

Эта неугомонная миссис «Азарт».

Пьеса

(чуть-чуть авантюрная, и в меру романтическая)

Действующие лица:

Вирджиния Додж – (около 60 лет).

Доктор Стивенс – главврач; он же главный начальник пансионата (45 лет).

Присцила Либби – старшая медсестра; она же, что-то вроде администратора (где-то 40 лет).

Анастасия Вирер – бывшая актриса (60 с хвостиком).

Энтони Стоун – полковник в отставке (65 лет).

Альберт Фергюсон – до недавнего времени окружной судья (где-то под 70).

Доротея Шиллер – вдова разорившегося незадолго до смерти нефтяного магната (около 70).

Луиза Кричевски – некогда блистательная балерина (в районе 60 лет).

Мариуш Богаш – в прошлом видный ученый, химик (63 года).

Пансионат для престарелых. Кабинет главврача. Доктор Стивенс сидит за монитором и азартно играет в компьютерную игру.

СТИВЕНС. Ах, ты так! Ну, погоди! Сейчас я с тобой разберусь!.. Сейчас я тебя поймаю!.. Ну, куда же ты бежишь, глупенькая?! Всё равно никуда не денешься!.. Ага, заскочила в подъезд с кодовым замком! Это тебя не спасет, моя милая! Мы этот замочек вмиг откроем... Так, одну секундочку... Ух ты, не поддается... А если так... Ты смотри, не желает открываться! Ладно, попробуем по-другому... И тут не получается... Да, задачка!.. А что, если попробовать вот так!.. И здесь неудача!.. Это начинает уже раздражать! Спокойно, мистер Стивенс, мы обязательно раскусим сей орешек! Главное, не впадать в панику... Никуда эта красotka от нас не уйдет! А ну-ка, давай так!.. Ух, наконец-то! Открыл!.. И кто сказал, что я не гений?! Привет, крошка! Это опять я... Что, бежать дальше некуда?! То-то! Сейчас, дорогая, приступим к раздеванию. Не хочешь! Ну что делать, придется! Начнем с платья. Не сопротивляйся так отчаянно, а то придется его разорвать. Жалко будет, красивое. Вот так вот, снимаем... Ты смотри, какая мускулистая! Усиленно занимаешься фитнесом? Ладно, переживем. В конце концов, это даже романтичнее. Теперь, обнажаем грудь... Убираем эту лишнюю деталь нижнего белья... Не понял!.. И где же грудь?! А это еще что такое?! Парик!.. Мамма миа!!! Так ведь это же... А ну-ка, снимем последнюю деталь... Так и есть! Мужик!.. Во облом!.. Где-то я по ходу дела ошибся... Только зря столько времени потерял! Эх, жаль, под рукой ничего тяжелого нет! Уж я бы научил тебя светским манерам!..

В нервном возбуждении бьет рукой по клавиатуре и откидывается на спинку кресла. Достает из-под стола бутылку коньяка, и прямо из горлышка делает несколько глотков...

Стук в дверь прерывает этот процесс.

СТИВЕНС. Да, кто там еще?

В кабинет заходит старшая медсестра Присцила Либби.

ПРИСЦИЛА. Прибыла миссис Додж. Вы просили сразу же известить вас об этом событии.

СТИВЕНС (рассеянно; находясь еще под негативным впечатлением от игры). Какая еще там, к черту, миссис Додж?!

ПРИСЦИЛА (невозмутимо). Та самая миссис Додж, которой мы выделили самые лучшие апартаменты; та самая, о приезде которой вы напоминаете всему персоналу уже больше месяца, предупреждая каждого в отдельности, ни в коем случае не поддаваться ее азартным наклонностям; та самая, которая, по вашим словам, является незаурядной старушкой современности с неограниченным потенциалом создания проблем; и наконец, та самая, от которой уже начались проблемы.

СТИВЕНС. А, да-да! Уже прибыла?.. Замечательно... Проблемы?.. И какие уже проблемы с ней?

ПРИСЦИЛА. Не успела миссис Додж переступить порог пансионата, как тут же потребовала массажиста. Она, видите ли, очень устала в дороге и ей срочно необходим расслабляющий молодежный массаж.

СТИВЕНС. Это какой-же?

ПРИСЦИЛА. Эротический.

СТИВЕНС. Во дает, старушка!.. Ну а Бригс, наш штатный массажист, он владеет данной техникой?

ПРИСЦИЛА. В общем-то, да...

СТИВЕНС. Ну, так в чем проблема? Пусть он ей и займется.

ПРИСЦИЛА. Проблема в том, что массажист должен быть непременно китайцем, и к тому же относиться к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации.

СТИВЕНС. Что?! Это, в смысле... этот... кх... ну, в общем, голубой?..

ПРИСЦИЛА. Да, он самый.

СТИВЕНС. А среди китайцев, вообще, есть такие?

ПРИСЦИЛА. Я лично таковых не встречала.

СТИВЕНС. Вот и мне как-то не приходилось сталкиваться... Хотя, подобный контингент попадает не так уж и редко. Я бы даже сказал: часто. И порой кажется, что это уже не они – сексуальное меньшинство, а мы – отсталые представители традиционной любви. Кстати, среди наших престарелых божьих одуванчиков случайно не затесался какой-нибудь голубой шалун? А то я как-то до этого момента не задавался подобным вопросом.

ПРИСЦИЛА. Да нет... Не замечала я среди наших трухлявых джентльменов что-то наталкивающее на эту мысль. Да и куда уже им думать о каких бы то ни было плотских утехах! Клизма, уколы и обрывки воспоминаний былых подвигов – вот и вся их нынешняя сексуальная жизнь. Впрочем, не могу утверждать наверняка, но, кажется, кое-кто из наших подопечных получает определенное удовлетворение от клизмы. Возможно, это как раз и есть отзвуки шаловливой молодости. Но давайте вернемся к миссис Додж. Как же, все-таки, быть с ее требованиями?

СТИВЕНС. Да очень просто! Бригс вполне может на время поменять свою сексуальную ориентацию; без практического действия, конечно. Ваша задача: уговорить его. Спокойно, ненавязчиво. Чтобы он воспринял это без лишних эмоций. Проведет пару сеансов, клиентке понравится, и глядишь, ей станет все равно, какая сексуальная ориентация у обладателя таких замечательных волшебных рук. А там уж Бригс вновь сможет перевоплотиться в нормального гомо сапиенса; если, разумеется, захочет. А то, мало ли; вдруг он откроет себя совсем с другой стороны.

ПРИСЦИЛА. А как быть с национальностью?

СТИВЕНС. Здесь тоже не вижу особых затруднений. Бригс вполне может иметь в своем генеалогическом древе китайские корни. Тем более что он долгое время жил в Китае, успешно практиковал там, и практически ничем не отличается от коренного жителя Поднебесной. Ну, разве только лицом; так это вообще мелочи. Пусть, перед тем, как предстать перед миссис Додж, съест лимон, и тогда его физиономию наверняка не отличишь от китайской.

ПРИСЦИЛА. А что, Бригс действительно жил в Китае? Я почему-то этого не знала.

СТИВЕНС. Да он и сам еще этого не знает. Вы сейчас пойдете и сообщите ему эту новость; а детали он уже обдумает сам, по дороге, когда отправится массажировать любительницу китайской голубой эротики. Вам все понятно?

ПРИСЦИЛА. Да, все понятно. Иду ставить в известность Бригса, что у него новый имидж. Главное, чтобы он был в соответствующем настроении.

СТИВЕНС. Идите. И не забудьте по ходу движения заскочить в столовую за лимоном. А еще лучше, если бы у Бригса оказалась при себе фотография его тещи. Уж это фото без сомнения помогло бы его лицу скорчить натуральное китайское выражение. А я, тем временем, пойду, познакомлюсь лично с миссис Додж. Как-никак, а должность обязывает. Заодно, выслушаю дополнительные требования, которые наверняка уже появились у мадам.

ПРИСЦИЛА. Ох, чувствую, намучаемся мы с ней!

СТИВЕНС. Как говорится: поживем-увидим. Всё, идите, Присцила. Я следом за вами.

Медсестра покидает кабинет. Доктор Стивенс несколько секунд сидит задумавшись. Затем вскакивает и тоже выходит.

Апартаменты Вирджинии Додж.

Она раскладывает свои вещи. Достает из чемодана мужские семейные трусы и с удивлением рассматривает их.

ВИРДЖИНИЯ. Не поняла! А это еще откуда?! Насколько мне помнится, это не мой фасон. Да и расцветка какая-то ужасная! Интересно, какой самец оставил сей элемент своего нижнего белья в моем чемодане? Дай-ка, подумаю...

Раздается стук в дверь.

ВИРДЖИНИЯ. Да-да, кто там?

СТИВЕНС (входит). Разрешите представиться. Доктор Стивенс. А вы, если не ошибаюсь, Вирджиния Додж.

ВИРДЖИНИЯ. Доктор Стивенс... Звучит совсем неинтересно. Я бы даже сказала: невкусно. Словно проглотила горькую пилюлю. Я буду звать вас Леопольд. Согласитесь, так гораздо романтичнее.

СТИВЕНС. Простите, но мое имя вовсе не Леопольд!

ВИРДЖИНИЯ. Какие, право, пустяки. Разве вы не слышите, что Леопольд подходит вам куда лучше, чем... Как вас там до этого дразнили? Ну, в смысле, звали... Впрочем, нет, не говорите... Пусть это останется тайной для меня. Так романтичней. Итак, Леопольд, что вас привело ко мне, помимо желания лично представиться? Я так понимаю, вы руководите всей этой богадельней?

СТИВЕНС. Это не богадельня, уважаемая миссис Додж, это самый престижный пансионат в стране.

ВИРДЖИНИЯ. Так уж и самый?!

СТИВЕНС. Да, самый. И уверяю вас, это не просто голословное утверждение, это факт, основанный на многолетней практике.

ВИРДЖИНИЯ. Поживем-увидим.

СТИВЕНС. А зашел я к вам, не только, чтобы познакомиться лично, но и попросить, не форсировать свои желания, а потихоньку начинать довольствоваться теми услугами, которые мы можем вам предложить. Со временем, конечно, мы постараемся, по мере возможности, учитывать ваши пожелания, выходящие, на сегодняшний день, за рамки наших услуг. Но это потом; а пока...

ВИРДЖИНИЯ. А пока, как я понимаю, массажиста-китайца, равнодушного, в сексуальном плане, к женскому полу, мне дожидаться не суждено.

СТИВЕНС. Ну почему же! Наш штатный специалист, Бригс, очень даже неплохо владеет техникой эротического массажа; и, кстати, практиковался он этому именно в Китае. А то, что глаза у него раскрыты чуть шире, чем вам хотелось бы, так на эту погрешность, я думаю, вполне можно не обращать внимания.

ВИРДЖИНИЯ. Других вариантов все равно нет; так что, придется рискнуть и отдаться в руки этого вашего Бригса. Аюсь останусь жива.

СТИВЕНС. Уверяю вас, если и испустите дух на его массажном столе, то только от высшего удовольствия.

ВИРДЖИНИЯ. Нет уж, спасибо! Смерть от удовольствия я приберегу на будущее... На далекое будущее... А до этого надеюсь получать удовольствия непосредственно от жизни.

СТИВЕНС. Не сомневаюсь, миссис Додж, здесь вы будете чувствовать себя, как в раю. Мы сделаем для этого все, что в наших силах.

ВИРДЖИНИЯ. А вы начинаете мне нравиться, Леопольд. Хочу преподнести вам подарок. Вот, примите от чистого сердца.

СТИВЕНС. Что это?

ВИРДЖИНИЯ. Разве не видите? Трусы. Очень симпатичные. Незаменяемая вещь в мужском гардеробе нижнего белья. Встретить молодую девушку на какой-нибудь гламурной вечеринке, забывшей надеть трусики, дело обычное. Да что там говорить! Даже женщины постарше, бывает, вполне комфортно чувствуют себя без этой части одежды. Другое дело – мужчины. Уж вы-то не можете позволить себе подобную роскошь. Даже стриптизер в дешевом ночном клубе, и тот не торопится расставаться с этим своим последним аргументом. Разве только за очень дополнительные деньги. Так что, держите (протягивает доктору подарок).

СТИВЕНС. Благодарю, конечно; однако это лишнее. Я еще не заслужил подобного знака внимания. А вот Бригсу, массажисту, явно придется по душе такой подарок. Это как раз его фасон. Сделайте ему приятное.

ВИРДЖИНИЯ. С вашим массажистом я еще не имела чести познакомиться, а потому, он еще не заслужил подобного знака внимания с моей стороны. А вот вас я уже имею удовольствие лицезреть, и повторюсь: вы мне чем-то начинаете нравиться. Так что, берите и не капризничайте (засовывает ему подарок в карман). Будете носить по праздникам, и вспоминать меня добрым словом.

СТИВЕНС. Можете даже не сомневаться; буду вспоминать вас самыми добрыми словами. Тем более что вы невероятным образом напоминаете мне мою бабушку. Вы так на нее похожи, что я, признаться, даже немножко опешил, когда увидел вас. Она была такая же очаровательная и так же восхитительно улыбалась.

ВИРДЖИНИЯ. Я рада, что не ошиблась; вы потрясающе милый человек!

СТИВЕНС. Благодарю. Однако позвольте откланяться. Дела, знаете ли. Да и вам, как я вижу, надо разобраться с вещами, отдохнуть с дороги; ну и советую вам, не откладывая в долгий ящик, познакомиться-таки с нашим массажистом и оценить его профессионализм.

ВИРДЖИНИЯ. Ваша забота обо мне – просто прелесть! А вот интересно, за территорию пансионата Ваша забота распространяется?

СТИВЕНС. Что Вы имеете в виду, миссис Додж?

ВИРДЖИНИЯ. После массажа я намерена посетить местный ипподром. Хочу поставить на одну лошадку. Уж очень интригующее у нее имя: «Стрела Амура». Проигрывать с таким именем просто неприемлемо. Я бы даже сказала: неприлично. Не составите ли мне компанию, Леопольд?

СТИВЕНС. На ипподром?!

ВИРДЖИНИЯ. Еще скажите, что вы равнодушны к скачкам!

СТИВЕНС. Совершенно. Мало того: считаю, что тотализатор развращает душу и является одним из тех пороков, за которые потом придется очень горько расплачиваться.

ВИРДЖИНИЯ. Вы имеете в виду, на «том свете»? Милый мой Леопольд, игра на скачках, это всего лишь песчинка из всего того, за что, так или иначе, придется держать ответ перед Всевышним. Так стоит ли отказывать себе в безобидном удовольствии ради призрачных дивидендов, которые на общей картине порока не разглядишь даже под микроскопом. Насколько я догадываюсь, казино, ночной стриптиз-клуб, бильярдная и прочие зланные места для вас в принципе не существуют?

СТИВЕНС. Ну почему же; погонять шары в бильярдной я иногда себе позволяю. Но только чисто в спортивном плане! Никаких ставок!

ВИРДЖИНИЯ. Ну, слава Богу! Хотя в биллиардную вас можно затащить! А то я уже совсем было упала духом.

СТИВЕНС. А вы, значит, любите посещать все эти перечисленные заведения?

ВИРДЖИНИЯ. Леопольд, дорогой мой, не делайте вид, что не в курсе о моих маленьких земных слабостях. Наверняка мои так называемые родственники предоставили полное досье на меня. И уверена, что это досье настолько полное, что я сама, с огромным удовольствием, почитала бы о неизвестных даже мне, моих пагубных привычках, морально-этических отклонениях и прочих негативных факторов, позорящих меня, как личность.

СТИВЕНС. Вы правы, миссис Додж; кое-какой информацией о вашем образе жизни я располагаю. Но уверяю вас, что эта информация в очень узком контексте.

ВИРДЖИНИЯ. И тем не менее из этой узко-контекстной информации вы сделали широко-глобальные выводы. Это читалось на вашем лице, как только вы вошли. Впрочем, возможно я и ошибаюсь... Хотелось бы, чтобы это было так...

СТИВЕНС. Это так... Ничего лишнего в своих мыслях о вас я не позволил.

ВИРДЖИНИЯ. Интересно, что вы считаете лишним? Терроризм? Киднеппинг? Торговлю органами?..

СТИВЕНС. Простите, я, наверно, не совсем правильно выразился. Я вообще не позволил себе ничего критического на Ваш счет. Судить о человеке можно только при непосредственном общении с ним. Это мой принцип, мои убеждения. И как раз сейчас у меня зарождаются первые объективные впечатления о вас, миссис Додж.

ВИРДЖИНИЯ. Будем считать, что я вам верю, относительно ваших принципов. Я ведь тоже обладаю кое-какой информацией о вас, и вполне естественно, что у меня могло сложиться определенное мнение на ваш счет.

СТИВЕНС. Интересно было бы послушать. Глядишь, и узнал бы о себе что-то новое.

ВИРДЖИНИЯ. Боюсь, ничего нового для себя из моей информации относительно вас, мой дорогой Леопольд, вы не узнаете. Все довольно стандартно и прозаично. Вдовец, имеете двоих взрослых детей; регулярно посещаете воскресные проповеди в местной церквушке; выдающийся специалист в области клинической психологии; любите классическую музыку, по большей части органную; неплохо разбираетесь в автотехнике, чем и доказываете это каждый раз, когда не можете отказать в ремонте автомобиля тому или иному знакомому. А еще, вы обожаете рыбалку и ненавидите назойливых старух, вроде меня. Последнее мне пришлось в голову только сейчас, а потому не стоит на это реагировать. Сей факт слишком свеж и еще не закрепился в вашем подсознании, мой славный Леопольд. Это дело скорого будущего. Вот, в общем-то, и все, что мне известно. Как видите, ничего из того, что вас могло бы удивить.

СТИВЕНС. Ну, почему же! Например, я узнал, что являюсь, оказывается, выдающимся специалистом в области клинической психологии. До этого я считал себя в этом вопросе довольно таки посредственной личностью. А что относительно назойливых старух, так благодаря моей бывшей теще, у меня, в этом плане, выработался, своего рода, иммунитет. Так что никаких отрицательных эмоций, а уж тем более ненависти, к назойливым особам преклонного возраста в юбке я давно уже не испытываю. Разве что, немножко могу пожуричь, словно нашкодившего ребенка.

ВИРДЖИНИЯ. Как это мило! Проявлять такое терпение к дряхлым клюшкам, впавшим в детство, дорогого стоит. Да еще если прибавить сюда старческий маразм. Вы героический человек, Леопольд! Будь у меня такая возможность, я поставила бы вам памятник.

СТИВЕНС. Так уж прямо и памятник!

ВИРДЖИНИЯ. А что, вы его вполне заслуживаете! Одно то, что вы сейчас слушаете весь этот бред, который я нес, и даже глазом не ведете, уже достойно пьедестала. А ведь нам с вами отныне предстоит обитать под одной крышей этой богадельни, и уже сегодня героизация вам совсем не помешает, мой дорогой Леопольд.

СТИВЕНС. Вновь вынужден вас поправить, миссис Додж, это не богадельня, а престижный элитный пансионат. Здесь проводят последний отрезок своей жизни бывшие артисты, ученые, политики.

ВИРДЖИНИЯ. Одним словом: интеллигенция.

СТИВЕНС. Да, интеллигенция.

ВИРДЖИНИЯ. Впрочем, нет; интеллигенция, да не совсем. Политики в эту категорию никак не вписываются. Да и среди артистов попадаете такой контингент, что о моральных качествах и говорить не приходится. Ну а ученые, так те вообще, сдвинутые на всю голову.

СТИВЕНС. Вам может показаться странным, но среди политиков таки встречаются порядочные люди.

ВИРДЖИНИЯ. Да что вы говорите!

СТИВЕНС. Представьте себе!

ВИРДЖИНИЯ. И в каком же заповеднике сие чудо можно увидеть? Впрочем, не утруждайтесь ответом. Наверняка сейчас ляпнете какую-нибудь банальщину. Например, что политики – тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо.

СТИВЕНС. Артисты тоже бывают вполне нормальные люди, и таких – подавляющее большинство, можете мне поверить.

ВИРДЖИНИЯ. Верю. Я когда-то была знакома с одним из них. Замечательный мальчик! И играл бесподобно. Но потом женился и бросил сцену. У его любимой запросы в финансовом плане оказались гораздо большими, чем он зарабатывал в театре. Не знаю, чем он занялся, чтобы удовлетворить потребности своей ненаглядной пассии, но не думаю, что их совместная жизнь продлилась долго. Она наверняка его бросила, как только выжала из него все соки. Бедный Джонни.

СТИВЕНС. И на счет ученых, тоже бывает...

ВИРДЖИНИЯ. Перестаньте, Леопольд. Ученый не может быть нормальным человеком; иначе это уже не ученый. Постоянные формулы в голове, вычисления, открытия... Разве можно в нормальном состоянии что-то открыть?! Наука, это вам не бутылка пива! Чтобы сделать научное открытие, нужно быть, как минимум, слегка сдвинутым. Это если открытие так себе, незначительное. Чем существеннее у того или иного ученого сдвиг в мозгах, тем существеннее его открытие. И выходит, что гений, которого озарила гениальная мысль, абсолютно сумасшедший идиот.

СТИВЕНС. Утверждение хоть и не новое, но все равно было бы интересно поболтать с вами на эту тему. Впрочем, как и на все другие темы тоже. Но только как-нибудь потом, в следующий раз. Сейчас же я, с вашего позволения, покину вас. Вынужден удалиться, по делам. Ничего не поделаешь, надо руководить этой, как вы выразились, богадельней.

ВИРДЖИНИЯ. Разумеется, мой дорогой Леопольд, ступайте. У нас будет еще достаточно времени пообщаться. Я тоже, закончу разбираться с вещами, и на массаж. Как знать, может после этого мероприятия, сей приют перестанет фигурировать в моих глазах, как богадельня.

СТИВЕНС. Было бы совсем неплохо. Впрочем, я все равно уверен, рано или поздно, вам здесь непременно понравится. Вот увидите.

Доктор Стивенс уходит.

ВИРДЖИНИЯ (оставшись одна). Надеюсь, это случится пораньше. Поздно, оно и есть поздно. Иной раз, лучше вообще никогда, чем поздно. До последнего ждать этого счастливого момента, и когда он наконец-то наступил, тут тебя бац, ставят перед фактом, что жизненный путь прожит и пора перебираться на «тот свет»! Хуже не придумаешь! Другое дело, когда ничего уже не ждешь; тогда и помирать как-то не так обидно... Однако, не кажется ли вам, миссис Додж, что вы несете полную чушь?! Очевидно, сказывается долгий переезд. А может, я начинаю заражаться духом этого, с позволения сказать, пансионата?! Представляю, какую я буду нести белиберду, этак через месяц!.. (рассеянно смотрит на чемодан с не разобранными вещами). Ну, с вещами разберусь потом. А сейчас, к массажисту. Посмотрим, на что он способен (покидает свои апартаменты).

Общий зал для совместного времяпрепровождения. Анастасия Вирер, сидя в инвалидном кресле, вяжет пуловер. Полковник Стоун и судья Фергюсон сражаются в шахматы. Доротея Шиллер и Луиза Кричевски оживленно обсуждают последние новости. Мистер Богаш, развалившись на диване, пролистывает газету.

ДОРОТЕЯ. А я тебе говорю: эта миссис Додж совсем не миссис Додж. Она явно от кого-то скрывается. Изменила имя, а может даже и внешность, и таким образом пытается переждать сложный для нее период.

ЛУИЗА. Ты в этом уверена?

ДОРОТЕЯ. На сто процентов.

ЛУИЗА. Ну, не знаю. Я ведь ее еще не видела, и потому не могу судить о ней. Прежде, чем делать выводы, с человеком нужно хотя бы немножко пообщаться. Разве не так?

ДОРОТЕЯ. Совсем необязательно. Я, к примеру, эту миссис Додж тоже еще в глаза не видела, зато много о ней слышала такого, что заставляет серьезно задуматься и произвести кое-какой анализ.

ЛУИЗА. И исходя из своего анализа, дорогая моя, ты пришла к заключению, что миссис Додж совсем не та, за кого себя выдает. Интересно, что же такого ты о ней слышала?!

ДОРОТЕЯ. Ну, ты даешь, подруга! Да то же самое, что и слышала ты! В столовой, в парке, на водных процедурах... Мы же всегда вместе тусуемся!

ЛУИЗА. Ты имеешь в виду всю эту болтовню, которая из уст в уста передается среди персонала пансионата?

ДОРОТЕЯ. Болтовня не болтовня, а люди зря говорить не будут.

ЛУИЗА. Люди вообще зря никогда не говорят, даже если говорят полнейшую чушь. Всегда найдутся уши, которые поверят в самую невероятную небылицу.

ДОРОТЕЯ. Значит, ты не веришь, что так называемая миссис Додж отравила своего мужа?

ЛУИЗА. Насколько я помню, гуляют несколько версий по этому поводу. Помимо отравления, существует еще укол во сне, препаратом, вызывающим сердечный приступ, а так же доведение до самоубийства.

ДОРОТЕЯ. Вот как раз последние две версии и есть полнейшая чушь. Отравление – самый надежный способ, проверенный тысячелетиями. Главное, это правильно выбрать яд, не оставляющий улики.

МИСТЕР БОГАШ. Должен вам заметить, Дороти, что яда, не оставляющего следов, то бишь улики, в принципе не существует. Так уж заведено, что в этом мире все оставляет свой след. Вопрос в другом: сумеет обнаружить этот след.

ПОЛКОВНИК (держа в руке шахматную фигуру и размышляя, куда бы ее поставить). Полностью поддерживаю вас, Мариуш... Вам шах, уважаемый судья (делает ход конем).

СУДЬЯ. Ну, этим нас не напугаешь! Мы вот так! (уходит от шаха) Кстати, в моей судебной практике был подобный случай. Жена так ловко отравила своего мужа, что поначалу никто этого не заметил.

Вскрытие производил опытный патологоанатом, который выдал заключение о естественных причинах смерти. И только благодаря одному студенту, проходившему практику у этого прожженного волка в области судмедэкспертизы, удалось обнаружить признаки убийства. Мальчишка захотел самостоятельно, в тайне, произвести повторное вскрытие, так сказать, закрепить пройденный материал, и в результате обнаружил то, что пропустил его наставник. В итоге, виновная понесла заслуженное наказание, а покойный получил дополнительную порцию скорби от присяжных.

ПОЛКОВНИК. Вам очередной шах, господин судья... И на какой же срок осудили бедную женщину?

СУДЬЯ. С учетом некоторых смягчающих обстоятельств, всплывших во время судебного процесса, она вышла на свободу еще в довольно привлекательном возрасте.

ПОЛКОВНИК. И наверняка успела еще раз выйти замуж и еще раз отравить любимого мужа.

СУДЬЯ. Очень может быть. Я бы не удивился, предстань она вновь перед моими очами в зале суда в качестве обвиняемой... А мы уходим сюда (переставляет шахматную фигуру).

АНАСТАСИЯ. Как по мне, то я не представляю миссис Додж в роли отравительницы своего мужа.

МИСТЕР БОГАШ. Другими словами, вы, милая Анастасия, склоняетесь к уколу или доведению до самоубийства?

АНАСТАСИЯ. Боже упаси! Я вообще не считаю ее способной причинить кому-нибудь вред, а уж тем более убить. Я слышала, она поставила памятник своей собаке, когда та скоропостижно скончалась. Разве может человек, так любящий своего четвероногого питомца, желать кому-нибудь смерти?! Никогда в это не поверю!

ДОРОТЕЯ. Ну, дорогая моя, ты и насмешила! Как раз маньяки и серийные убийцы, по своей натуре, чаще всего любят животных. Им гораздо проще вырвать из груди бьющееся еще человеческое сердце, чем каким-то самым невинным образом обидеть кошку или собаку; не говоря уже о всяких там попугайчиках, рыбках и морских свинках.

ПОЛКОВНИК. Полностью с вами согласен, Дороти... Вам очередной шах, уважаемый судья... Был у меня в подчинении один такой офицер. Мы тогда на Востоке проводили военную баталию в одной из наших колоний. Так этот малый отличался особой жестокостью. Он получал эстетическое наслаждение, кромсая саблей того или иного врага, и останавливался только тогда, когда получал полное удовлетворение, лицезрея фарш, который остался после его мясорубки. В то же время у него была собака, обыкновенная дворняга, которую он еще щенком подобрал как-то на дороге. Он души в ней не чаял. А когда она погибла от шальной пули, этот отпрыск Дьявола целый день проплакал над ее могилой. Так вот!..

СУДЬЯ (в очередной раз, уходя от шаха). С вашего разрешения, я закроюсь слоном... И что же стало с этим вашим офицером? Он до сих пор на военной службе и до сих пор жестоко рубит врагов, получая эстетическое наслаждение?

ПОЛКОВНИК. Нет. По иронии судьбы он закончил свою жизнь в руках таких же кровожадных отщепенцев, каким был сам. В один прекрасный день, а точнее, в одну прекрасную ночь отряд, которым он командовал, попал в засаду. Оставшиеся в живых, как и полагается, оказались в плену. Среди них был и командир отряда. пытки, которым его подвергли, носили столь изощренный характер, что впору было молиться о скорой смерти. Пытали просто так, ради удовольствия, получая высшее эстетическое наслаждение. Его обезображенное тело нашли спустя неделю. По нему и определили, каким мучениям подверглась жертва... Вам мат, уважаемый судья...

ЛУИЗА. Ужас какой-то!..

СУДЬЯ. Не то слово! Я же подготовил такую хитрую контратаку! И надо же, не успел!.. Давайте еще одну партийку!

ПОЛКОВНИК. Как вам будет угодно. Расставляйте.

АНАСТАСИЯ. Я, все-таки, уверена, что миссис Додж – славная, нормальная особа. Веселая, неунывающая и не стареющая душой; ибо только такой персонаж способен вызвать столь оживленный интерес к себе до того, как предстать в своем образе лично. А будь она действительно виновата в том, что приписывают ей некоторые слухи, мы бы сейчас сидели тут и дрожали, в паническом страхе дожидаясь приезда старухи с косой, которая намерена всех нас отравить, уколоть и довести до самоубийства. Предчувствие зла, как правило, бежит впереди самого источника зла.

МИСТЕР БОГАШ. Вы, как всегда, непревзойденны в своих умозаклчениях относительно человеческих пороков, моя очаровательная Анастасия. Однако боюсь, вы слишком оптимистичны, относительно миссис Додж. Согласен, на роль отравительницы мужа она не тянет; так же, как не тянет вообще, на какое бы то ни было непосредственное убийство. А вот довести до самоубийства, это очень даже возможно. Опять же, учитывая тот факт, что я еще не имел удовольствия общаться с этой загадочной особой, которую мы тут так живо обсуждаем в ее отсутствие. Просто, судя по своему опыту, смею утверждать, что от этой женщины, как таковой, можно ожидать всего. Она, то бишь женщина, в порыве эмоционального стресса способна на всё, на самые невероятные поступки; поступки, которые, порой, мужскому разуму даже вообразить трудно.

ДОРОТЕЯ (иронично). Какая лестная характеристика на наш счет!

ЛУИЗА (с такой же иронией). И какая глубокомысленная оценка! Право, не ожидала.

АНАСТАСИЯ. И какая самокритичность по поводу мужского разума! Браво, Мариуш! Вы меня приятно удивили. Нужно обладать недюжинным умом, чтобы понять всю глубину своей глупости. Понять и признать, всенародно. Я просто в восхищении!

ПОЛКОВНИК. Смотри, Мариуш, до чего ты довел наших дам! Они буквально впали в экстаз! Того и гляди, начнут раздеваться.

СУДЬЯ. А что, я с удовольствием посмотрел бы сейчас стриптиз. Перед вечерними процедурами это было бы как раз кстати.

ДОРОТИ. Ага, размечтался! Чтобы я кому попало демонстрировала свои оголенные кости!

МИСТЕР БОГАШ (который Мариуш). Вот оно, ключевое слово: бесплатно! Готов заплатить ужином. Сегодня, если не ошибаюсь, должна быть рыба. С удовольствием обойдусь без нее ради незабываемого зрелища. Плюс, добавлю еще две таблетки от бессонницы.

ПОЛКОВНИК. Присоединяюсь! Готов добавить дырявую грелку, которую можно заклеить, и она послужит еще очень долго, вплоть до «Страшного Суда», а так же, пилюли от склероза. Там в упаковке должно было остаться еще штук пять. Вот только надо вспомнить, где сама упаковка. Мне надоело, что я постоянно забываю их принимать, и убрал с глаз, куда подальше. В любой другой ситуации вряд ли бы, наверное, нашел, но ради такого сногшибательного вышеозвученного зрелища отыщу сии пилюли непременно.

СУДЬЯ. А я, в свою очередь, готов расстаться с ночной уткой; все равно ею почти не пользуюсь. А еще согласен пожертвовать вставной челюстью своей незабвенной, безвременно ушедшей жены. Челюсть почти новая; она ее и пять лет не относил.

ПОЛКОВНИК. Ну что, девчонки, гонорар, как вы видите, ошеломительный; отказываться от такого предложения, просто грех. Можно занимать места?

МИСТЕР БОГАШ. Ты немножко торопишь события, старина. Сейчас дамы соберутся с мыслями; одновременно с этим соберутся с духом; и через минуту-другую, включив свои лучезарные ослепительные улыбки, любезно предложат нам устраиваться поудобнее и огласят о том, что представление начинается. Засекай время.

ДОРОТЕЯ. Ха-ха! Ой, не могу! Подруги, вы только посмотрите на этот списанный мужской инвентарь! Эти рассыпающиеся доходяги мнят, что у них еще что-то функционирует. Смех, да и только!

ЛУИЗА. И главное, делают вид, что уверены, будто мы и взаправду сейчас устроим перед ними стриптиз-шоу!

АНАСТАСИЯ. Да еще и предлагают нам за выступление, даже стыдно повторить, что!.. А ведь наверняка считают себя джентльменами!

ПОЛКОВНИК. Что-то мне подсказывает, что анонсированного зрелища мы сегодня не дождемся, и грядущий вечер вновь обещает быть скучным и обыденным... Кстати, вам очередной шах, уважаемый господин судья.

МИСТЕР БОГАШ. А позвольте поинтересоваться, прекрасная Анастасия, какова, все же, ваша цена за выступление? Ибо, насколько я понял, только этот нюанс определяет, как ваше согласие, так и обратную сторону оно.

АНАСТАСИЯ. Боюсь, наше эротическое выступление вам не по карману.

ЛУИЗА. Да всех ваших сбережений на это не хватит!

ДОРОТЕЯ. Как и сбережений всех ваших предков до пятого колена.

СУДЬЯ (передвигая шахматную фигуру). А мы сюда... Не кажется ли вам, господа, что наши дамы подхватили неизвестный науке вирус, способный поднимать оценку собственной значимости на фантастическую высоту?

ПОЛКОВНИК. Очень даже кажется. И очевидно, на этой фантастической высоте у них фантастически закружились головы... Вам шах, сэр, и опять мат.

СУДЬЯ. Что ж, сегодня явно не мой день. В шахматы проигрываю, стриптиз не показывают. Пойти, что ли, напиться?! У меня как раз пузырек валокордина завалился.

ПОЛКОВНИК. Не расстраивайтесь, дружище. Я почему-то уверен, что нас будет сегодня, кому развлечь. Появление нового лица всегда вносит свежую струю в то или иное устоявшееся однообразие.

МИСТЕР БОГАШ. Вы имеете в виду миссис Додж?

ПОЛКОВНИК. Разумеется, кого же еще! Разве вы не заметили, что именно упоминание о ее прибытии привело к той оживленной дискуссии, которую мы тут сейчас проводим.

МИСТЕР БОГАШ. Кстати, да! И ненавязчивый поворот в нашей дискуссии на тему стриптиз-шоу тоже, как раз, с этим связано.

СУДЬЯ. Осталось лишь познакомиться с миссис Додж лично.

Появляется Вирджиния Додж, в халате, вся растрепанная и пылающая энергией.

ВИРДЖИНИЯ. Ничего нет проще! Разрешите представиться: Вирджиния; та, которая миссис Додж... Ну, что за немая сцена? Я вас ввела в замешательство? Ну, извините... Очевидно, вас смутил мой внешний вид. Понимаю. Дело в том, что я только что от массажиста. Хочу вам сказать, он таки знает свое дело! Честно признаться, не ожидала! Я себя чувствую лет на сорок моложе. Эх, мне бы сейчас крылья!.. Воспарить к облакам... Как там, должно быть, прекрасно!.. Однако опустимся на землю... Ну, долго мне тут еще распинаться перед неодушевленными предметами?! Данная ситуация напоминает мне детскую игру: «Раз, два, три – такая-то фигура замри!» Или, нет, скорее всего, сюжет больше подходит к легенде о Медузе Горгоне, взгляд которой превращает человека в каменное изваяние. Вопрос в том, кто первый из собравшихся здесь оживет... Итак, кто?..

ПОЛКОВНИК. Судя по всему, это буду я. Как-никак, а военное прошлое обязывает. С Медузой Горгоной я в сражениях не встречался, но уверяю вас, приходилось иметь дело с противником и похлеще.

ВИРДЖИНИЯ. То-то я смотрю, настоящий генерал, не меньше!

ПОЛКОВНИК. Кх, кх... Всего лишь полковник, с вашего позволения. Разрешите представиться. Энтони Стоун, отставной офицер.

ВИРДЖИНИЯ. Ну какой же вы полковник, душа моя! Вы генерал! Уж поверьте той, кто хорошо разбирается, как в мужчинах вообще, так и в военных в частности.

ПОЛКОВНИК. Благодарю за комплемент, мэм. Позвольте представить остальных присутствующих, чтобы не тратить время в ожидании, пока присутствующие вновь не обретут дар речи... Альфред Фергюсон – некогда вершивший правосудие в зале суда в статусе главного действующего лица, то бишь судьи... Мариуш Богаш – ученый, химик; в свое время выдающийся специалист в области ядов. Считает, что самым опасным носителем этого вещества является женщина определенных категорий; а именно: теща, старая дева и надзирательница в колонии строгого режима. Укус такой особы, по мнению нашего уважаемого ученого мужа, убивает сразу наповал. И судя по его воспоминаниям, которыми мы, время от времени, имеем возможность наслаждаться, у него богатый жизненный опыт в этом вопросе. Тогда почему он еще жив, спросите вы: очень просто! Как-никак, ученый; а у ученых, как правило, вырабатывается определенный иммунитет против той или иной заразы, которую они изучают. Но что-то мы слишком много времени уделили нашему Менделееву. Так недолго и разбаловать его. Еще возомнит себя гением; что с ним потом прикажете делать?! А посему перейдем к нашим очаровательным дамам. Они никоим образом не относятся к тем разновидностям смертельно опасных женщин, коих мы только что упоминали. По существу, это ангелы на пенсии. Прошу любить и жаловать, несравненная Анастасия Вирер – актриса. Если б вы только видели ее на сцене! Говорят, это было что-то неопишное! Мне, к сожалению, тоже не довелось лицезреть Анастасию Вирер, не повезло, но я вполне доверяю народной молве... Сама же она, то бишь Анастасия, не очень охотно вспоминает вслух свою театральную карьеру. Иной раз запросто может запустить чем-нибудь тяжелым, если слишком уж приставать к ней, пытаясь влезть в душу, пусть даже и с самыми невинными намерениями.

Впрочем, можете убедиться сами: ее взгляд, в данный момент, готов меня просто испепелить. Поэтому я быстренько перехожу к нашей обожаемой Доротеи Шиллер. Вот она, как всегда надменна, но это ей невероятным образом к лицу. Ее покойный муж был нефтяным магнатом. Представляете! Но в один прекрасный момент его империя рухнула; он разорился начисто. В итоге, не смог пережить такого катастрофического для себя события и сиганул с моста, оставив лишь безутешную вдову, кое-какие карточные долги и обширный некролог на первой странице центральных газет.

Впрочем, это было настолько давно, что от скорби не осталось и следа; как у вдовы, продолжающей полноценно жить и расцветать, особенно по ночам, в свете полной луны, так и у армии обиженных родственников, оставшихся ни с чем, потому как наследство, по понятным причинам, вылетело в трубу. Хотя вряд ли у всех этих родственников, кроме, разумеется, вдовы, вообще фигурировали скорбные нотки по усопшему.

Короче говоря, Доротея здесь, с нами, и мы искренне приветствуем этот факт.

И наконец, Луиза Кричевски, наша блистательная балерина; в недалеком прошлом, конечно.

Что она вытворяла в своих пуантах! Я, признаться, не знаток балетного мастерства, нам, грубым военным, всё больше по душе пострелять, помаршировать, повзрывать, и все такое прочее, но был у меня в подчинении один офицер, так он слыл настоящим, как бы это поинтеллигентнее выразиться, балетоманом. Разбирался буквально во всех тонкостях этого искусства.

Оказывается, он с самого раннего детства мечтал о танцах, однако его отец был категоричен в этом вопросе, он даже слышать не хотел, чтобы его сын, его, так сказать, продолжение, занимался совсем не свойственным для настоящего мужчины делом. Военный мундир – вот что к лицу отпрыску уважающего себя рода, а не какое-то там трико!.. В общем, не могу сказать, что из этого малого получился выдающийся вояка, так себе, ни то ни сё, но зато в балете, как я уже отметил, он разбирался великолепно, гораздо лучше, чем в ракетных установках, основной своей военной специальности... Да, так к чему это я?! А, ну да! И вот долгими зимними вечерами, сидя за чашечкой чая, ибо, чем еще баловаться офицерам, как не чаем, и закусывая, пардон, солеными огурчиками, я часами слушал восторженные речи о приме-балерине Луизе Кричевски. Мой собеседник за короткий срок умудрился заразить меня этим видом искусства, которое я до этого, не то, чтобы не мог терпеть, а просто не воспринимал, ни как искусство, ни как что-то другое. Искусство ведения войны – вот в чем я был непревзойденным мастером, мастером своего дела; прошу прощение за, возможно, чрезмерную нескромность... Да, так вот... Заразившись балетом, я, заочно, влюбился и в балерину. И как я был счастлив, когда спустя много лет Луиза Кричевски оказалась под одной крышей со мной; вернее, я оказался под одной крышей с ней; точнее... Ну, вы поняли... И очень рад этому; как, впрочем, уверен, и все остальные здесь присутствующие... Ну, кажется, всех представил в этом зале.

ВИРДЖИНИЯ. На редкость исчерпывающее представление. Я же, как вам известно, Вирджиния Додж. Та самая миссис Додж, которую, судя по успевшим дойти до меня слухам, здесь давно уже ждали. Кто с интересом, кто с опасением. Не знаю, как реагировать на это. После того, как генерал представил мне вас...

ПОЛКОВНИК. Полковник, мэ.м.

ВИРДЖИНИЯ. Простите!.. Вы о чем?

ПОЛКОВНИК. Просто уточнил свой офицерский статус.

ВИРДЖИНИЯ. Расслабьтесь, мой дорогой. Раз я назвала вас генералом, стало быть, так тому и быть. К тому же, я действительно считаю вас генералом, и это не обсуждается. Привыкайте... Так вот: после того, как бывший полковник, а нынче генерал, представил мне вас, таких милых и обаятельных людей, я, судя по всему, должна тоже представиться в стиле Энтони Стоуна; то бишь с краткими интригующими подробностями. Только вряд ли у меня это получится так, как у нашего доблестного генерала. К тому же, насколько я успела проинформироваться, слухи обо мне, в обнимку со сплетнями, далеко вышли за рамки не только моей реальной жизни, но и моей фантазии. За тот короткий промежуток времени, что я здесь нахожусь, я узнала о себе такие интересные вещи, о которых даже и не догадывалась. И главное, в таких пикантных подробностях, что если бы не старшая медсестра, помешавшая мне дослушать до конца диалог в столовой двух поварих, обсуждающих мою скромную персону в самых фантастических домыслах, вряд ли я сдержалась бы. Меня просто таки распирало, распахнуть дверь и запустить в этих куриц чем-нибудь тяжелым. А так, пришлось в спешном порядке оторвать ухо от замочной скважины и продолжить путь в массажный кабинет. Благо, массажист прекрасно поработал над моим телом, что позволило мне расслабиться не только физически, но и морально. И теперь я свежа, бодра и невероятно спокойна, что немаловажно, учитывая мой буйный нрав. Ведь именно такой, в первую очередь, меня здесь представляют; так ведь?! Впрочем, не буду лукавить; мне ужасно интересно, что обо мне думают. А еще я обожаю, когда мне приписывают всё новые и новые качества, пусть даже и не совсем позитивные. Так что, не буду утомлять вас сейчас нудными неинтересными фактами моей краткой биографии, вы все равно обо мне знаете больше, чем я сама знаю о себе, а просто скажу: я очень рада со всеми вами познакомиться, и надеюсь, что вольюсь в ваш замечательный коллектив; а точнее, в вашу замечательную семью. А еще

надеюсь, потихонечку дополнить собственную биографию недостающими фактами из ваших уст, о коих я, пока что еще, не имею ни малейшего понятия. Можете сообщать мне эти факты, совершенно не стесняясь и не боясь. Тяжелыми предметами швырять не буду, что бы я не услышала. Те две поварихи, и желание запустить в них чем-нибудь, не в счет. Я все равно успокоилась бы раньше, прежде чем моя рука дотянулась бы до сковороды или чего-нибудь в этом роде. К тому же, те две курицы мне просто не понравились. А вы все такие милые, что хочется каждую обнять и каждого расцеловать. Обнять, разумеется, девчонок, и расцеловать, понятное дело, мальчишек.

ДОРОТЕЯ. Вы такая необычная! Такая интересная! Признаться, я думала о вас немножко по-другому.

ВИРДЖИНИЯ. Мы обязательно поболтаем об этом при первой удобной возможности. Очень не терпится узнать о себе что-нибудь новенькое. Вы ведь поведаете мне, милочка, все, что знаете? Ничего не утаивая и во всех подробностях. Договорились?

ДОРОТЕЯ. Договорились.

АНАСТАСИЯ. А уж я расскажу вам такое о вас, что вы до утра не уснете! Только, чур, без рукоприкладства!

ВИРДЖИНИЯ. Я же уже сказала: никакого физического насилия с моей стороны опасаться никому не следует. Мало того, объявляю конкурс, на самую жуткую сплетню обо мне. Победитель получает щедрое вознаграждение.

МИСТЕР БОГАШ. Это уже интересно! А позвольте спросить: учитываются сплетни уже ходящие в обиходе, или можно придумывать новые, собственного, так сказать, сочинения?

ВИРДЖИНИЯ. Вы, право, застали меня врасплох. Даже не знаю, что ответить.

ПОЛКОВНИК. Ну, дорогая моя! Вы не знаете, что на это ответить?! Не разочаровывайте меня! Конечно, вы будете только «за»! Это же так интригующе! У меня тут в голове уже крутится одна похабная мыслишка, которую можно интерпретировать в очередную грязную сенсационную сплетню относительно загадочной миссис Додж. Нужно ее лишь немножко подкорректировать.

ВИРДЖИНИЯ. Генерал, Вы меня заводите! Берегитесь, я могу увлечься вами, как мужчиной, и тогда одними сплетнями вам не отделаться.

ПОЛКОВНИК. Это похоже на вызов!

ЛУИЗА. Кажется, наш бравый вояка растерялся.

ПОЛКОВНИК. Никоим образом! Я принимаю вызов! Только, вот, не знаю еще, как это будет выглядеть.

СУДЬЯ. Думаю, дружище, в этой битве тебе не победить.

АНАСТАСИЯ. Будет любопытно наблюдать, как наш героический полковник, вернее, простите, генерал, подымет белый флаг.

ЛУИЗА. Да, это будет незабываемое зрелище!

ПОЛКОВНИК. Иш, как раскудахтались! Да чтобы Энтони Стоун поднял белый флаг! Ха-ха-ха! Не бывать такому!

ВИРДЖИНИЯ. Правильно, генерал. Не обращайте внимания на все эти выпады. Они просто завидуют. Дерзайте! Укрепленные бастиионы ждут осады со стороны неприятеля.

МИСТЕР БОГАШ. Вау! Да у нас тут намечается серьезная баталия!

ДОРОТЕЯ. С романтическим акцентом!

АНАСТАСИЯ. С перспективой на переворот в нашей обыденной, серой, однообразной жизни.

ЛУИЗА. И с настоящим хэппи-эндом в финале. Обожаю хэппи-энд!

ПОЛКОВНИК. Так, стоп! Разошлись! Вы тут еще тотализатор устройте, по поводу: соблазнит ли Энтони Стоун Вирджинию Додж!

ДОРОТЕЯ. А что, великолепная идея!

СУДЬЯ. Я бы даже сказал: идея экстра-класса!

АНАСТАСИЯ. И, насколько я слышала, как раз в тему, учитывая ваше пристрастие к азартным играм, уважаемая миссис Додж. Я ничего не напутала?

ВИРДЖИНИЯ. Нет, милочка, вы ничего не напутали. Мне присуща эта маленькая слабость. Однако, в этом случае я вне игры, поскольку, некоторым образом, нахожусь в роли скаковой лошади, на которую делают ставки.

СУДЬЯ. И вас это несколько не смущает, позвольте спросить?

ВИРДЖИНИЯ. А почему, собственно, это должно меня смущать?! Вполне нормальная, обыденная ситуация. Человеку вообще свойственно быть объектом того или иного тотализатора. В любви, как правило – брак по расчету. В бизнесе – тут все понятно: прибыль и только прибыль, то бишь выигрыш; чем не тотализатор?! Ну, в спорте – это понятно. Даже Господь, когда лепил Адама, наверняка делал на него определенные ставки. Иначе, зачем Он его вообще лепил?! Так что, всё в порядке. Можете делать ставки, и посмотрим, на что способен наш славный генерал.

ДОРОТЕЯ. Вы просто прелесть, Вирджиния! Хотела бы и я так легко и непринужденно относиться к жизни!

ВИРДЖИНИЯ. А что вам, собственно, мешает, милочка? Желание у вас есть. Осталось лишь внедрить его в практику.

ДОРОТЕЯ. Помилуйте! В моем-то возрасте?!

ВИРДЖИНИЯ. Да именно в таком возрасте проще всего начать относиться к жизни легко и непринужденно! Самый подходящий для этого момент! В детстве тебе не позволяют родители; держат тебя в определенных рамках. В молодости об этом просто не думаешь; не хватает времени. И это понятно; впереди целая жизнь! Кажется, что живешь легко и непринужденно, а на самом деле полностью подвластен тем или иным обстоятельствам. Думаешь, что ты хозяин жизни, а на практике получается, что ты ее раб. И рабство это длится аж до преклонных лет, пока в один прекрасный момент сталкиваешься с фактом, что, оказывается, жизнь уже почти прошла, а легкость и непринужденность существования так пока еще и не наступила. И вот приходит час, когда, вроде бы, всё уже в прошлом, и самое время готовиться к переходу в вечность... Но не тут-то было!.. Просыпаешься как-то в ясный погожий денек и говоришь себе: «Физическая молодость ушла; здоровье хромает; ножки уже не привлекают мужчин; грудь уже не вздымается от внезапно нахлынувших чувств, потому что чувств, как таковых, не может быть уже в принципе, да и сама грудь уже – одно название. И, тем не менее, душа осталась такой же молодой!.. Ведь так?.. (бросает она вопросительно-утвердительный взгляд на присутствующий женский контингент) Прерывистое дыхание – знак согласия... А это значит, что не к лицу нам, опытным во всех отношениях женщинам, раскисать из-за такого пустяка, как возраст... Сейчас мы все глубоко вдохнем – мужчины пока отдыхают; сия процедура предназначена сугубо для дам – и шумно выдыхаем... (старушки совершают озвученные манипуляции) Вот так!.. Ну что, чувствуете?..

ЛУИЗА. Что именно?

ВИРДЖИНИЯ. Как, что! Легкость и непринужденность, конечно!

ДОРОТЕЯ. Кажется, чувствую!

АНАСТАСИЯ. И я тоже что-то такое ощущаю!

ЛУИЗА. Удивительно! А ведь, в самом деле!..

ВИРДЖИНИЯ. Теперь это ощущение надо зафиксировать, надеть на него ошейник и приручить. Или сначала приручить, потом надеть ошейник; это как получится.

МИСТЕР БОГАШ. Однако оригинально вы изъясняетесь, миссис Додж.

ВИРДЖИНИЯ. Надоело мне это сухое «миссис Додж»! Зовите меня просто Мими.

ПОЛКОВНИК. Мими?! Сверх очаровательно!

ВИРДЖИНИЯ. Когда-то один джентльмен назвал меня милая милашка. Сокращенно – Мими.

АНАСТАСИЯ. Какая прелесть!

ВИРДЖИНИЯ. Так что, дорогая моя, соберите в пригоршню старые предрассудки и закопайте их где-нибудь в саду. Глядишь, на том месте вырастит какая-нибудь безобразная коряга, символ вчерашней неуверенности в себе. А рядом можно посадить гортензию – символ красоты и оптимизма. Будет выглядеть на редкость гармонично и напоминать, что жизнь, очень даже неплохая штука, невзирая на возраст и мусор в голове.

Кстати, это касается всех присутствующих здесь девочек.

Короче, с этого момента давайте начинать жить легко и непринужденно. Попробуем?

ЛУИЗА. От такого предложения трудно отказаться.

ДОРОТЕЯ. Практически невозможно.

АНАСТАСИЯ. Я так понимаю, что мы уже начали легкую и непринужденную жизнь.

ВИРДЖИНИЯ. Вот и отлично! А я вам, если что, помогу, чем смогу.

МИСТЕР БОГАШ (обращаясь сугубо к мужскому контингенту). Господа, вам не кажется, что мы здесь лишние? Наши дамы начинают новую жизнь, и мы, со своими старческими маразмами, уже не вписываемся в структуру взаимоотношений.

СУДЬЯ. Вы совершенно правы, мой друг. Сейчас они посмотрят на нас, фыркнут, и заявят, мол: зачем нам эти доходяги?! Эти рассыпающиеся, пардон, джентльмены!

ПОЛКОВНИК. Как по мне, так я не вижу тут никакой проблемы. Женский бунт – дело настолько обычное, и, главное, настолько предсказуемое, что волноваться нам, друзья, совершенно нечего. Тем более что волноваться нам вообще вредно; а лично мне, судя по последним анализам, так просто смертельно. Однако, это всё ерунда. Предсказуемый женский бунт в сочетании с непредсказуемой женской сущностью, зрелище, конечно, уникальное, и стоило бы, наверное, в нем поучаствовать; как зрители, разумеется; но мы пойдем другим путем. Образует «Клуб мужской солидарности» и будем игнорировать особей в юбках; в основном это касается, понятное дело, окружающих нас дам, покуда они не наиграются в «Амазонок» и вновь не станут такими, какими их сделал Господь; то бишь любящими нас, вдохновляющими нас на подвиги, и не забивающих себе голову дополнительным мусором, которого итак у них в избытке.

ДОРОТЕЯ. Вы сегодня, сама любезность, полковник; ой, простите, генерал!

ЛУИЗА. Интересно было бы узнать, как вы будете развлекаться в этом своем «Клубе мужской солидарности». Без общения с нами вы окончательно опуститесь. Итак уже со всех вас последняя труха сыпется.

СУДЬЯ. Я бы попросил, не обобщать. Лично я еще в достаточно сносной форме. Не далее как утром мне удалось преодолеть пешком два лестничных проема за рекордные три минуты.

АНАСТАСИЯ. Вверх?

СУДЬЯ. Боже упаси! Вниз, конечно! Если бы я рискнул ставить рекорд, взбираясь вверх, это закончилось бы восхождением прямо на небеса.

ПОЛКОВНИК. Я, между прочим, тоже нахожусь в прекрасной форме и не позволю дискредитировать себя, как мужчину! Так же, как не позволю дискредитировать и остальных своих собратьев.

ДОРОТЕЯ. Вот вам «Клуб мужской солидарности» в действии!

АНАСТАСИЯ. И не говорите, дорогая! Как они все сразу напыжились, стоило нам лишь слегка проанонсировать свою точку зрения; точку зрения женщины. А что будет с ними, когда мы всерьез займемся этим вопросом?!

МИСТЕР БОГАШ. Для начала, не мешало бы уточнить, о чем конкретно идет речь, потому как я, наверное, что-то пропустил в нашей дискуссии. Кстати, прошу заметить, я вовсе не напыжился, а, наоборот, спокоен, как удав, и совершенно расслаблен. Советую и вам, дорогие дамы, расслабиться и получать удовольствие от жизни, такой, какая она есть.

ЛУИЗА. Очень полезный совет, мистер Богаш. Да только в данный момент к этому совету больше пристало прислушаться вашим, как уже обозвал полковник, собратьям.

ПОЛКОВНИК. Во-первых, не полковник, а генерал; а во-вторых, не знаю как господин судья, но я тоже спокоен, как удав, невзирая на все ваши провокации. Старого солдата не так-то просто выбить из седла! Это я про себя, если кто не понял.

СУДЬЯ. Помилуйте, разве я могу выпадать из такого достойного общества! Я, как и остальные мои собратья, так же спокоен, как этот... как удав. Доказательством будет то, что я сейчас все-таки выиграю у нашего доблестного генерала партию в шахматы. Олимпийское спокойствие плюс рациональное мышление – гарантия успеха против любого противника; речь, разумеется, сугубо о шахматах.

ПОЛКОВНИК. Нет, дружище, мы уже достаточно сегодня насражались друг с другом. Необходимо разнообразие. Почему бы вам, уважаемый судья, не предложить нашей дорогой Вирджинии сразиться с вами за шахматной доской!

СУДЬЯ. А что, это мысль! И очень даже интересная мысль!

ВИРДЖИНИЯ. Нет-нет, джентльмены, это не мое! За предложение, конечно, спасибо, однако вынуждена отказаться. Я, в общем-то, умею передвигать шахматные фигуры, и даже знаю, как они называются, но... увы, вынуждена отклонить столь любезное предложение; в этой игре я не очень-то... К тому же, шахматы в наше время несколько подустарели. А вот

переброситься в картишки, это как раз то, что, в данный момент, как мне кажется, вполне подходящее времяпровождение. У меня тут случайно и колода карт в кармане завалялась. Как вы, генерал, на счет партии в покер?

ПОЛКОВНИК. Очень даже положительно! Правда, давненько я не практиковался в этой области, но, как говорится, мастерство не ржавеет. Стоит лишь взять картишки в руки... и тогда, миссис Додж... ой, простите, Мими... я раздену вас до нитки.

ВИРДЖИНИЯ. Вы, очевидно, имели в виду, раздеть догола?!

ПОЛКОВНИК. Кх, кх... Если вам так больше нравится.

ВИРДЖИНИЯ. Какой же уважающей себя женщине не нравится, когда ее раздевают?! Пусть, даже, и с помощью карт.

ДОРОТЕЯ. Вы что, Мими, предлагаете играть на раздевание?

АНАСТАСИЯ. Однако это было бы уникальное зрелище, увидеть нашего доблестного полковника... ой, простите, никак не запомню; конечно же, генерала... увидеть его, так сказать, во всей природной красе.

ПОЛКОВНИК. Эх, моя дорогая, этот бы наш разговор, да лет тридцать назад! Вот тогда наверняка обнаженное тело Энтони Стоуна свело бы вас с ума, милая вы моя Анастасия. А сейчас, боюсь, мое обнаженное тело уже вряд ли способно доставить женскому глазу эстетическое наслаждение. А жаль!..

ЛУИЗА. Бедный вы наш генерал! Представляю, каково это, лишиться такого мощного оружия, как неотразимое мужское тело. Мы, женщины, так падки на этот природный нюанс. Из-за него частенько не замечаем наличие мусора в верхней части этого тела, то бишь в голове. Прощаешь им всё и вся, невзирая на то, что имеешь дело с полным идиотом.

ДОРОТЕЯ. Мусор в голове мужчины, это еще, куда ни шло. Хотя что-то имитирует мозги. Гораздо хуже, когда там вообще ничего нет.

ПОЛКОВНИК. Ну вот, опять мы под обстрелом! И не стыдно вам, леди. Поносить тех, кто любит вас, носит на руках, удовлетворяет все ваши капризы; тех, кто готов грудью стать на вашу защиту и принять смерть с улыбкой на устах; набрасываться на тех, кто не мыслит жизни без вас, и без кого вы сами не представляете свое существование в этом бренном мире!.. Всегда, во все времена все военные конфликты вспыхивали исключительно из-за женщины. И это прекрасно! Это говорю вам я, старый солдат, который знает, что говорит. Из-за чего же еще начинать войну, как не из-за женщины?! Война, это самое оптимальное, что придумало человечество; вернее, сильная половина его. Первым делом решается проблема перенаселения планеты. Когда еще мы дойдем до того уровня развития, когда сможем перебираться на «пмж» к другим звездам?! Да и дойдем ли вообще когда-нибудь?! Жадность, глупость, жестокость – кто нас пустит во Вселенную с таким приданным! Наша цивилизация изначально пошла не тем путем. Виной тому, врожденный дефект, именуемый идиотизмом. Боюсь, человечеству, в теперешнем его облике, уже не справиться с этим фактом. И потому война остается единственным регулятором вышеозначенной проблемы, то бишь перенаселения. Есть еще, правда, природные воздействия: торнадо, землетрясение, цунами, и прочие силы разрушительного характера, посылаемые свыше; однако это все не системно и малоэффективно.

Развитие научно-технического прогресса сводится к одному: постоянно усовершенствовать оружие массового поражения. Господь нам дал мозги, но не позаботился укомплектовать их разумом. В итоге, имеем то, что имеем; стремительно приближаемся к пропасти... Да-а... А к чему это я?... С чего я, собственно, начал-то?..

СУДЬЯ. Вы начали, уважаемый, правильно, с любви; а затем понесли какую-то околесицу. Настолько бредовую, что я даже заслушался.

МИСТЕР БОГАШ. Действительно, Энтони, вы сейчас озвучили полный бред. Вы, конечно, извините меня, но позвольте спросить: у вас, случайно, ранения в голову не было?

ПОЛКОВНИК. Нет, в голову, к счастью, ранения не было. Чуть пониже спины, да, имел удовольствие получить осколок. А еще, пулевое ранение в плечо и ножевое ранение в область печени. Тем не менее, я абсолютно с вами согласен, чушь я только что высказал несусветную. Прошу воспринимать ее, как слуховую галлюцинацию.

АНАСТАСИЯ. Вы называете чушью всю вашу речь, дорогой генерал?

ПОЛКОВНИК. Нет, конечно! Только вторую ее часть. Первую же могу повторить и подписаться под каждым словом.

ВИРДЖИНИЯ. Ну что ж, девочки, нам остается лишь покраснеть, устыдиться, и попросить у наших мальчиков прощение за маленькую нетактичность на их счет. А они, в свою очередь, я надеюсь, попросят прощение за кое-какие нетактичные высказывания на наш счет.

СУДЬЯ. С удовольствием принимаю это предложение, и как самый старший в нашем мужском коллективе позволю себе от имени всех присутствующих здесь джентльменов извиниться, если некоторые выражения кого-нибудь из вас обидели.

ВИРДЖИНИЯ. Принимается! И поскольку я оказалась инициатором сего обоюдостороннего всепрощения, то, с вашего разрешения, девочки, возьму на себя честь, выразить нашим мальчикам ответное извинение за возможное ущемление их гордости. Мужчины ведь такие ранимые существа. Не то, что мы, женщины! Впрочем, последние две фразы не берите во внимание; они вам просто послышались. Обыкновенная слуховая галлюцинация... Ну что, обе стороны удовлетворены?

ПОЛКОВНИК. Вполне. Я не преувеличиваю, девочки?

ДОРОТЕЯ. Нисколько. Мирное сосуществование всегда лучше; и для нервов, и против появления дополнительных морщин, хотя, куда уж больше; и для всего прочего, что, так или иначе, ведет к тому или иному негативу.

ЛУИЗА. Правильно, Дороти. Я с тобой полностью согласна. У меня-то еще достаточно места для новых морщин. Было бы глупо торопить их появление.

АНАСТАСИЯ. Генерал, а вы, оказывается, действительно доблестный вояка! Пулевое ранение в плечо, ножевое ранение в печень... Мужчина со шрамами, это так романтично! Особенно, если шрамы боевые.

ДОРОТЕЯ. Осталось дело за малым: раздеть нашего доблестного генерала и получить истинное эстетическое наслаждение, любуясь его шрамами.

ЛУИЗА. А давайте попросим его самого раздеться; но только медленно и под музыку.

АНАСТАСИЯ. Стриптиз от генерала! После этого можно уже и спокойно умереть!

ПОЛКОВНИК. Боюсь, что вам, дорогая Анастасия, придется еще пожить. Стриптиз от кадрового офицера!.. Смешно! Что-то из области армейского юмора.

ДОРОТЕЯ. Стало быть, генерал, вы предпочитаете, чтобы мы самостоятельно вас раздели?! Ах вы, шалунишка этакий!

ЛУИЗА. Я с удовольствием поучаствую!

АНАСТАСИЯ. И я, разумеется, в стороне не останусь. Так что, Энтони, как говорится в подобной ситуации, расслабьтесь и получите удовольствие.

ПОЛКОВНИК. Ага, сейчас! Нет уж, уважаемые леди, не бывать такому позору! Учтите, я буду защищаться всеми доступными способами. Судья, сколько там светит за насильственные действия эротического характера по отношению к генералу? Что на этот счет говорит уголовный кодекс?

СУДЬЯ. Как минимум, лет по восемь на брата. В данном случае, на сестру.

ДОРОТЕЯ. И куда только катится этот мир?! Три сногшибательные женщины предлагают мужчине раздеть его, а он их за это желает посадить в тюрьму!

ВИРДЖИНИЯ. А почему, собственно, три? Я, как-никак, тоже уже, вроде как бы, принадлежу к вашему коллективу. А, вы просто не считаете меня сногшибательной! Право, это даже немножко обидно. Не хочу хвастать, но в ночном клубе меня до сих пор мало кто перетанцует. Я имею в виду молодежь, конечно; потому как мои сверстники, в подавляющем своем большинстве, как правило, уже вечером бросают свои кости в кровать, под теплое пуховое одеяло.

СУДЬЯ. Вы посещаете ночные клубы?!

ВИРДЖИНИЯ. А что здесь удивительного? Должна же я куда-то девать свою энергию! Сутками валяться в кровати, это не по мне. Так, чего доброго, и в ящик сыграть не долго!

ДОРОТЕЯ. А в ночном клубе, дрыгая ногами до утра, в ящик не сыграешь? Учитывая наш почтенный возраст.

ВИРДЖИНИЯ. Ни в коем случае, моя дорогая! Когда я в следующий раз возьму тебя с собой, ты сама сможешь в этом убедиться.

ДОРОТЕЯ. Я, в ночном клубе?!

ВИРДЖИНИЯ. Почему нет?! К тому же, там необязательно до утра дрыгать ногами. Я хожу в те клубы, где есть еще казино. Вот где по-настоящему оттягиваешься! Вот где чувствуешь, что живешь! Чувствуешь себя человеком! Играть с судьбой в азартные игры – что может быть более захватывающим?! Помню, когда-то давно я проиграла в рулетку родовое имение. Молодая была, глупая... Глупая и без тормозов. Не могла вовремя остановиться. Впрочем, не помню, чтобы сильно расстроилась по этому поводу. Подумаешь, имение! Сколько мне тогда было?... Двадцать два... двадцать пять... Разве в таком возрасте переживаешь о таких пустяках!.. Однако это я что-то заговорила. Несу иногда такое, что сама потом удивляюсь.

ПОЛКОВНИК. Мими, я восхищаюсь вами все больше и больше! И все-таки хотелось бы подробнее узнать о проигрыше родового имения.

МИСТЕР БОГАШ. Генерал, это нетактично. Разве вы не видите, что миссис Додж тяготеют сии воспоминания. Даже трудно представить, как нужно насолить судьбе, чтобы так не повезло!

ВИРДЖИНИЯ. Да дело не в судьбе. Просто я забыла сплюнуть через левое плечо. А если бы сплунула, то наверняка выиграла бы целое состояние. Не зря же я рискнула родовым имением... Но разрешите мне оставить эти воспоминания в прошлом; там, где они и должны быть. Пусть покоятся себе на дне глубокого подсознания и не всплывают на поверхность без крайней на то необходимости. Может как-нибудь потом, при свете полночной луны, на берегу серебряного озера, я вам, мой дорогой генерал, более подробно расскажу об этой истории, если, конечно, к тому времени она еще будет вас интересовать.

АНАСТАСИЯ. Вы такая романтическая натура, Мими! Как вам удастся быть такой незаурядной?

ВИРДЖИНИЯ. Это очень просто, дорогуша. Надо лишь не забивать свою голову лишним мусором.

СУДЬЯ. Действительно просто! Загвоздка только в том, как определить, что тот или иной мусор – лишний. Но это, как говорится, детали.

ВИРДЖИНИЯ. Однако не пора ли нам вернуться к вопросу, как раздеть нашего доблестного генерала?.. Предлагаю самый мирный и демократичный способ: игра в карты. В частности, в покер. Проигравший выполняет желание каждого из присутствующих. Желание должно быть только одно, и сугубо конкретизированное. Нельзя просто пожелать, чтобы проигравший разделся, можно лишь указать деталь одежды, которую объект экзекуции должен снять.

ЛУИЗА. Очень интересное предложение!

АНАСТАСИЯ. И мне оно по вкусу. Предчувствую сегодня яркое незабываемое шоу.

ДОРОТЕЯ. Чур, я последняя в очереди за оглашением своего желания! Надеюсь, к тому моменту на генерале останется единственная деталь из его одежды.

ЛУИЗА. А если ничего уже не останется?

ДОРОТЕЯ. Что ж, тогда, под впечатлением увиденного, я озвучу другое желание, исходя из моей, на тот момент, фантазии.

АНАСТАСИЯ. Главное, чтобы от увиденного твоя фантазия окончательно не разочаровалась; как в мужчинах вообще, так и в отношении отдельного их представителя в частности.

ПОЛКОВНИК. Это ничего, что я здесь нахожусь? Вы с таким энтузиазмом обсуждаете стриптиз в моем исполнении, будто я уже проиграл и это свершившийся факт! А что, если я выиграю?

СУДЬЯ. А действительно, миссис Додж, что, если наш доблестный полковник... наш доблестный генерал, конечно... что, если окажется, что он доблестный не только в военном деле, но и в карточных играх? Ведь, насколько я понял, играть будете вы вдвоем, исключительно друг против друга; а в такой ситуации, как правило, шансы проиграть, как, соответственно, и выиграть, абсолютно равны.

ВИРДЖИНИЯ. Раз уж я предложила раздеть милого Энтони Стоуна, то играть, разумеется, буду с ним один на один.

СУДЬЯ. Ну и Слава Богу! Как-то не хочется пугать присутствующих здесь дам своим обнаженным телом после проигрыша.

ВИРДЖИНИЯ. Вы слишком самокритичны, друг мой. Уверяю вас, все присутствующие здесь дамы, включая и меня, ничуть не испугаются, увидев судью Альберто Фергюсона в натуральном естественном облики, то бишь в чем мать родила, а даже наоборот, разродимся бурными аплодисментами, вдохновляя вас еще на более героические поступки.

СУДЬЯ. Что может быть более героическим и вместе с тем более глупым, чем оголиться старому порядочному джентльмену перед пожилыми извращенками, выдающими себя за леди.

ВИРДЖИНИЯ. Так, стоп! Мы же договорились, военные действия в виде обоюдосторонних оскорблений временно прекратить. И вообще, мой дорогой Альберт, порядочный джентльмен никогда не опустится до того, чтобы назвать женщину извращенкой, даже если она действительно таковой является.

МИСТЕР БОГАШ. Интересно, и каким же выражением можно заменить слово «извращенка» устами джентльмена?

ВИРДЖИНИЯ. Ну, к примеру... очаровательная фантазерка, или милая проказница.

ПОЛКОВНИК. Я вас обожаю, Мими! Кх, кх... В том смысле, что вы меня все больше и больше поражаете, как женщина... кх, кх... То есть, как человек, я хотел сказать.

ВИРДЖИНИЯ. Я прекрасно вас поняла, мой доблестный генерал. И не надо так смущаться. В нашем-то возрасте! Как-нибудь мы с вами обязательно пообщаемся наедине, и надеюсь, вы тогда не будете столь нерешительны в своих высказываниях. И в действиях, надеюсь, тоже... Но не буду больше вводить вас в краску, мой милый Энтони, и давайте уже играть. Как-никак, а на кону довольно крупная ставка. В наше время раздеть мужчину – дорогого стоит.

МИСТЕР БОГАШ. Не дороже, чем раздеть женщину.

ЛУИЗА. Это смотря, какую женщину. Иную женщину, чтобы раздеть, не хватит и всего состояния.

СУДЬЯ. Вы, случаем, не себя имеете в виду, милочка?

ЛУИЗА. Нет, разумеется. То есть, когда-то в молодости я, конечно, могла бы претендовать на роль подобной женщины... Но те времена давно прошли, и от них остались лишь сладкие воспоминания.

ДОРОТЕЯ. В молодости, моя дорогая, ты отплясывала на сцене перед мужиками, демонстрируя свои обнаженные ножки, за вполне доступную цену. Любому самцу в штанах достаточно было купить билет на балет, и пожалуйста, наслаждайся.

ЛУИЗА. Во-первых, на балет ходят исключительно джентльмены, а не просто какие-то там мужики, и уж тем более не самцы в штанах; а во-вторых, эти самые джентльмены идут не стриптиз смотреть, а наслаждаться классическим искусством.

ВИРДЖИНИЯ. Ну всё, мальчики и девочки, хватит заниматься пустой болтовней, приступим к главной программе сегодняшнего дня. Генерал, вы готовы к сражению?

ПОЛКОВНИК. Разумеется. Однако я так и не услышал, что будет, если я, все-таки, выиграю.

ВИРДЖИНИЯ. Тогда раздеваться придется мне. И любоваться этим зрелищем будет уже другая половина присутствующих здесь. Устраивает вас такой ответ?

ПОЛКОВНИК. Вполне.

ВИРДЖИНИЯ. В таком случае, приступим. Прошу занимать места; игроки – свои, зрители – свои.

Миссис Додж и Энтони Стоун садятся за стол, друг против друга.
Остальные устраиваются вокруг них. Вирджиния тасует карты, раздает.

ПОЛКОВНИК (азартно потирает руки). Ну что ж, вспомним старые добрые времена. Когда-то я недурно играл.

ВИРДЖИНИЯ. Господа, а вы можете начинать делать ставки. Думаю, один к десяти на генерала будет в самый раз.

АНАСТАСИЯ. То есть, если я ставлю на Энтони, то получаю потом в десять раз больше?

ВИРДЖИНИЯ. Точно так, моя дорогая. С вашего позволения, друзья мои, помимо непосредственной участницы сего, так сказать, турнира, я еще беру на себя роль букмекера. И если вы, Анастасия, поставите на Энтони, и он, каким-то чудом, выиграет, то я выплачиваю вам десятикратную прибыль. То же самое относится и к остальным.

МИСТЕР БОГАШ. А если я хочу поставить на миссис Додж, то бишь на вас, мэм? Какова в этом случае будет моя прибыль?

ВИРДЖИНИЯ. Должна вас разочаровать, мистер... э...

ЛУИЗА. Мариуш Богаш.

ВИРДЖИНИЯ. Спасибо. Да, так вот; должна вас разочаровать, мистер Богаш, никакой прибыли, поставив на миссис Додж, то есть на меня, вы не получите; по той простой причине, что я, как букмекер, не принимаю ставки на свой выигрыш. Как правило, заведомо выигрышные варианты в букмекерских конторах не выставляются. Не будем и мы нарушать сии традиции. Итак, генерал, ваше слово...

Кабинет Главного. Доктор Стивенс, как обычно, развлекается компьютерной игрой.

Стук в дверь. На пороге вырисовывается старшая медсестра.

ПРИСЦИЛА. Простите, сэр, но в общем зале творится полное безобразие! Я бы даже сказала: там происходит нечто безумное.

СТИВЕНС (неохотно отрываясь от монитора). Ну что там еще случилось? У вас такое лицо, будто вы только что посетили террариум с ядовитыми змеями.

ПРИСЦИЛА. Скорее, бордель; в самом худшем его смысле.

СТИВЕНС. Любопытно. Пожалуйста, поподробнее.

ПРИСЦИЛА. Иду я, стало быть, из процедурной, и вдруг слышу, как из общего зала доносятся подозрительные шумные выкрики. Я заглядываю туда... и чуть было не падаю в обморок!

СТИВЕНС. О Господи, и что же такого вы там увидели?!

ПРИСЦИЛА. Представьте себе, мистер Стоун в совершенно обнаженном виде, то бишь в чем мать родила, демонстрирует окружающим свою натуральную анатомию. Сначала я просто не поверила своим глазам, подумала, что меня начали преследовать галлюцинации. В голове пронеслась мысль, что, очевидно, это результат просмотра намеренно одного эротического боевика. Кстати, довольно посредственного... Да, так вот... Как только я уразумела, что происходящее перед моим взором носит вполне реальный сюжет, мне сделалось дурно.

СТИВЕНС. Вам не понравилось обнаженное тело нашего храброго полковника? Право, я думал, такие женщины, как вы, должны быть в восторге от такого антиквариата. Вы ведь, Присцила, насколько мне помнится, обожаете антикварные вещи.

ПРИСЦИЛА. Вещи – да, но не старых, простите, пердунов. К тому же, впавших в старческий маразм, ибо, как еще можно оценить данную выходку Энтони Стоуна.

СТИВЕНС. А разве вы не узнали истинную причину этого поступка?! С вашим-то сверхчувствительным женским любопытством!

ПРИСЦИЛА. Почему не узнала! Узнала, конечно! И сверхчувствительное любопытство здесь совсем не причем. Присутствующие там дамы, перебивая друг друга, изложили мне все подробности данного зрелища, лишь только увидели мою реакцию.

СТИВЕНС. Надеюсь, вы не начали восстанавливать морально-этические приоритеты с помощью рукоприкладства?! Последний раз, помнится, закончилось довольно плачевно. Сколько там у бедняги было сломано ребер, три, четыре?

ПРИСЦИЛА. Четыре.

СТИВЕНС. Плюс, если не ошибаюсь, перелом руки и вывихнутая челюсть.

ПРИСЦИЛА. Он пытался меня изнасиловать, прямо в лифте! Что мне оставалось делать?! Настоящий сексуальный маньяк!

СТИВЕНС. Напомните, чем вы отбивались? Вернее, чем вы его так отделали?

ПРИСЦИЛА. Гантелей.

СТИВЕНС. А, да, припоминаю! Кажется, она оказалась у вас совсем не случайно; если вообще у старшей медсестры в лифте может не случайно оказаться трехкилограммовая гантеля.

ПРИСЦИЛА. Пятикилограммовая.

СТИВЕНС. Даже так! Там более.

ПРИСЦИЛА. Я несла ее одному нашему пациенту, которому приспичило вдруг заняться физическими упражнениями. Он просил сразу две гантели, но я убедила его, что для начала будет достаточно и одной, и что вторую он получит со временем, если до этого не будет никаких побочных эффектов.

СТИВЕНС. Повезло маньяку. Представляю, что бы с ним было, окажись у вас в каждой руке по гантели! Как минимум, пожизненная кома... А еще, помнится, ко всему прочему, вы намеревались еще и кое-что ему отрезать. Так сказать, лишить его какой бы то ни было возможности на дальнейшие сексуально-маниакальные подвиги. К счастью, двери лифта успели до этого распахнуться, и оказавшиеся тут как тут санитары вовремя оторвали вас от жертвы. К счастью для маньяка, конечно.

ПРИСЦИЛА. Ну, это я помню очень смутно. А точнее, совсем не помню.

СТИВЕНС. Ясное дело! В момент высшего возбуждения голова вообще работает в другом режиме. Память фиксирует лишь то, что подвластно логике. А вы, моя дорогая Присцила, в любом случае были до предела возбуждены, иначе не отделали бы так бедного парня, с перспективой оставить у себя главный приз – его мужское достоинство в натуральном, извините, виде. В тот момент вами правили первобытные инстинкты оскорбленной самки, а стало быть, логика, как таковая, в период данных событий просто отдыхала. И потому естественно, что память проигнорировала некоторые нюансы. Ну какая же здравая память заархивирует в своей ячейке не вполне логичное стремление кастрировать ближнего своего; хотя, допускаю, что с точки зрения современной женщины стремление сие вполне логичное.

ПРИСЦИЛА. Вы так убедительно расставили акценты, что ни возразить, ни добавить практически нечего. Однако давайте, док, перестанем ворошить прошлое. Достаточно того, что после того случая я месяц ходила, как пришибленная. Не просто, знаете ли, взять и переварить подобный эпизод, и при этом не пострадать психологически.

СТИВЕНС. Конечно, не просто. Тут я с вами полностью согласен. Если не ошибаюсь, тот маньяк до сих пор содержится в психиатрической клинике.

ПРИСЦИЛА. Кажется, да. Впрочем, я давно уже перестала им интересоваться. Что там с этим извращенцем, мне совершенно безразлично. Надеюсь, он получил, что заслужил.

СТИВЕНС. О, да! В этом можете не сомневаться. Даже если он и выйдет когда-нибудь из психушки, вряд ли у него появится желание безобразничать в плане сексуального насилия. Да и не в желании тут даже дело. Физической возможности не будет. После всех тех лекарств, коими его пичкают, после всей той терапии, которую он вынужден проходить, все его мужские силы останутся лишь в воспоминаниях. А для бывшего насильника, что может быть хуже! Смысл жизни потерян! Так что, остается только посочувствовать бедняге.

ПРИСЦИЛА. Наверно вы правы, док. Чем, в сущности, я рисковала? Своей девичьей честью...

СТИВЕНС. Кх, кх...

ПРИСЦИЛА. В смысле, женской честью. Ну, поплакала бы в подушку, жалуюсь на судьбу, которая, вместо того, чтобы подкинуть нормального мужчину, что-то вроде принца на белом коне, подложила мне свинью, в виде недоделанного маньяка с перспективой на сексуальную инвалидность; а затем смахнула бы слезу и вновь вошла бы в размеренную обыденную суету... Однако давайте-ка вернемся к непосредственной сущности нашего разговора.

СТИВЕНС. Да, давайте вернемся. Тем более, мне кажется, что непосредственная сущность нашего разговора гораздо более интересна, чем воспоминания о недоделанном маньяке. Итак, дорогая Присцила, вы увидели нашего бравого полковника в натуральном, так сказать, виде, то бишь абсолютно голым, и отсюда возникает вполне закономерный вопрос: что бы это значило? Надеюсь, после того, как вы вышли из шока, вы поинтересовались столь странным поведением Энтони Стоуна?

ПРИСЦИЛА. Разумеется. И должна сказать, что ответ меня изумил ничуть не меньше увиденного зрелища.

СТИВЕНС. Даже так?!

ПРИСЦИЛА. Представляете, они играли в карты на раздевание!

СТИВЕНС. Что, все вместе?

ПРИСЦИЛА. Нет. Только полковник и миссис Додж.

СТИВЕНС. А остальные?

ПРИСЦИЛА. А остальные делали ставки.

СТИВЕНС. А, ну это другое дело! А то я уже не знал, что и думать!

ПРИСЦИЛА. Вы это о чем?

СТИВЕНС. О том, что Вирджиния Додж не может играть в карты просто на раздевание. В любом случае должен присутствовать финансовый интерес. И ставки, это как раз то, что все и объясняет. Наверняка предложение сыграть просто на раздевание было, своего рода, затравкой. Главная же цель состояла непосредственно в тотализаторе. Вирджиния Додж, как организатор, получает свой процент, плюс причитающийся гонорар за выигрыш, потому как, понятное дело, она тоже сделала ставку на свою, разумеется, победу.

ПРИСЦИЛА. Вполне возможно, что в другой ситуации так и было бы, однако в данном случае есть некоторый нюанс.

СТИВЕНС. Интересно!

ПРИСЦИЛА. Ставки принимались вовсе не деньгами, а вещами.

СТИВЕНС. Неужели?!

ПРИСЦИЛА. Представьте себе! Не ручаюсь за достоверность всего перечня, но вот штопаные мужские носки, наполовину использованную губную помаду, слуховой аппарат, перочинный ножик, какой-то театральный билет, и еще кое-что в том же духе в качестве призового фонда я заметила. Все это было сложено в кучку на отдельном столике и спокойно дожидалось своих новых обладателей.

СТИВЕНС. Однако миссис Додж как всегда оригинальна!

ПРИСЦИЛА. В каком смысле?

СТИВЕНС. Разве непонятно?! Начинает с ненужных вещей, а заканчивает потом вычищением всех денежных средств. Как-то она довела до полного банкротства графа Бельского. Тот в одном игорном доме попробовал переброситься с ней в картишки, для разминки. Он ждал своих солидных соперников для крупной игры в покер, и решил скоротать время, предложив элегантной даме, скучающей в одиночестве у барной стойки и потягивающей из трубочки слабоалкогольный коктейль, сыграть партейку-другую на чисто символическую ставку. Началось с мелочи, а закончилось, как я уже сказал, полным банкротством графа. К тому моменту, как появились те, кого он ждал для крупной игры, он успел не только проиграть элегантной даме по имени Вирджиния Додж все свое состояние, включая родовой замок и коллекцию боевых наград, но и сверх того еще и задолжать значительную сумму. Но элегантная дама проявила человеколюбие и смиростивилась над нищим графом, любезно простив ему этот долг.

ПРИСЦИЛА. Какая захватывающая история! Никогда бы не подумала, что миссис Додж способна на такое!

СТИВЕНС. Вы имеете в виду, простить долг?

ПРИСЦИЛА. Не издевайтесь, док! Я имею в виду, как у нее получается так играть в карты?!

СТИВЕНС. Ну что тут сказать, талант! Талант, плюс необъятный азарт. По существу, Вирджинию Додж можно с полным правом назвать миссис Азарт. Да и не ограничивается она одними только картами. С одинаковым успехом она играет в рулетку, на бегах, и даже частенько балуется в бильярд.

ПРИСЦИЛА. И что, всегда выигрывает?

СТИВЕНС. В карты и в бильярд – почти всегда; то есть там, где главную роль играют техника, аналитическое мышление и математические способности. А вот где непосредственно преобладает везение, либо противоположная составляющая оного, там, понятное дело, случаются и неудачи. Бывает, что миссис Азарт проигрывает в рулетку или не угадывает выигрышный номер лошади на скачках, да только все равно происходит это крайне редко. К «миссис Азарт» можно добавить: невероятно удачливая «миссис Азарт».

ПРИСЦИЛА. Миссис Азарт... Красиво. Ей наверняка понравилось бы... Хочется спросить... Исходя из того, что я услышала сейчас о миссис Додж, возникает мнение, что она очень богата. Один только эпизод с графом Бельским, чего стоит!

СТИВЕНС. Увы, моя дорогая Присцила, вынужден вас разочаровать. Вирджиния Додж не богаче нас с вами.

ПРИСЦИЛА. Но как же так?! Не понимаю!

СТИВЕНС. Все очень просто. Эта женщина необычна не только в плане азартных игр, она еще чрезвычайно необычна, как человек. Все, что она выигрывает, она жертвует тем, кто нуждается в финансовой поддержке. Как правило, это дети-сироты, малоимущие пожилые люди, инвалиды, матери-одиночки, и так далее. Помогает больницам, госпиталям; обеспечивает их необходимым оборудованием, закупает медикаменты, оплачивает ремонт. К примеру, родовой замок графа Бельского она отдала под «детский дом», а остальная часть наследства ушла на парк аттракционов. Шикарный парк получился, должен заметить!

ПРИСЦИЛА. Могу себе представить! Родовой графский замок в качестве «детского дома», а вокруг грандиозный парк аттракционов. Настоящий рай для детей.

СТИВЕНС. Да, настоящий рай. Как это точно подмечено. Я был там, и могу это подтвердить.

ПРИСЦИЛА. Интересно, а как ее родные реагируют на такие ее альтруистические поступки? Не думаю, что они в восторге. Или я ошибаюсь? Они такие же духовно богатые, как и их пожилая родственница? Какой-нибудь милый славный племянник, который с радостью помогает своей тетушке делать этот мир немножко счастливее. У Вирджинии Додж есть же кто-то из родных?

СТИВЕНС. Есть, конечно. И вы правильно задались вопросом, как они относятся к поступкам миссис Азарт. Очень негативно относятся. Хотели даже как-то сдать ее в психбольницу. Она как раз тогда в очередной раз оставила без трусов одного солидного бизнесмена. Тот оказался азартен ничуть не меньше своей соперницы и считался чуть ли не лучшим в карточных играх, да вот только удачи у него было куда меньше, чем у миссис Азарт...

Ну и тут кое-кто из так называемых родственничков, прознав о крупном выигрыше Вирджинии, а так же получив информацию, что она определилась, куда пустит деньги, и что опять потенциальным наследникам не достанется ни цента, решил упрятать ее в вышеозначенную уже психушку, с целью объявить миссис Додж сумасшедшей, и таким образом, лишив ее право распоряжаться собственным капиталом, завладеть пока еще имеющимися у нее деньгами. Однако сей родственничек, как и остальные его поделщики, недооценили миссис Азарт. Она успела оградить себя юридической защитой, и дабы раз и навсегда поставить семейный клан на место, с помощью определенных связей, добилась возбуждения уголовного дела. Нерадивые родственнички настолько испугались, что поклялись никогда больше не предпринимать ничего подобного.

Вирджиния, понятное дело, погасила этот пожар, и с того дня никто уже не помышлял положить свою жадную волосатую лапу на финансовые активы миссис Додж. Вот такая вот история.

ПРИСЦИЛА. Да, поучительно... Поучительно и захватывающе! Какая, все-таки, интересная жизнь у нашей миссис Азарт! Как в хорошем авантюрном романе.

СТИВЕНС. Вполне с вами согласен, Присцила. А представьте, насколько может быть интересно то, из жизни миссис Додж, чего мы еще не знаем!

ПРИСЦИЛА. Даже не представляю! А вот интересно, нашему пансионату она, случайно, не помогала? Или, может быть, собирается?

СТИВЕНС. Нет, нам она еще не помогала. Просто у нас, практически, всё есть. Ведь не зря же мы считаемся одним из лучших пансионатов.

ПРИСЦИЛА. Так-то оно так, да при желании вполне можно придумать, чего нам не хватает.

СТИВЕНС. Нам?

ПРИСЦИЛА. Нашему пансионату, разумеется.

СТИВЕНС. Побойтесь Бога, Присцила! Нам ли притворятся нищими!

ПРИСЦИЛА. Нам?

СТИВЕНС. Нашему пансионату, я имею в виду. Сколько подобных структур, которым действительно необходима финансовая поддержка! И пока такие существуют, нам не к лицу опускаться до попрошайничества.

ПРИСЦИЛА. Какое, однако, непривлекательное слово: «попрошайничество». «Материальная помощь» - это еще, куда ни шло.

СТИВЕНС. Как не называй, а суть одна – беспардонность.

ПРИСЦИЛА. Опять вы бросаетесь невкусными словами.

СТИВЕНС. Что ж делать! Слова, изобличающие негативные аспекты собственной натуры, мало когда подходят по вкусу.

ПРИСЦИЛА. Хорошо, а тогда чисто риторический вопрос: когда миссис Додж поможет всем нуждающимся пансионатам, тогда вы не будете против, принять от нее помощь?

СТИВЕНС. Ну, если чисто теоретически, то почему бы и нет. Нам бы совсем не помешали камеры наружного наблюдения. Может тогда цветочные клумбы были бы в более надежном присмотре. Не всегда наши сторожа могут уследить за цветочными ворами. Так же неплохо было бы построить небольшой спортивный комплекс. Нашим пожилым мальчикам и девочкам было бы дополнительное развлечение. Глядишь, активная физическая нагрузка кое-кому продлила бы месяцы, а то и годы жизни; не говоря уже о десятилетиях. Не помешало бы, конечно, соорудить новый бассейн; большой и современный, а то наш, как ни крути, и маловат, и немного уже устарел в плане удобства. Но всё это, конечно, пустая фантазия. Как бы миссис Азарт ни старалась обыгрывать глупых толстосумов, как бы ни пускала их по миру, всех этих средств на всех нуждающихся все равно не хватит. Вот если бы она обладала бессмертием, то возможно лет через пятьсот наш пансионат имел бы тогда полное моральное право попросить Вирджинию Додж о некоей финансовой поддержке.

ПРИСЦИЛА. Представляю, какие к тому времени будут бассейны!

СТИВЕНС. У вас, Присцила, довольно хорошая фантазия. Я, к примеру, даже представить не могу, какие бассейны будут через пятьсот лет.

ПРИСЦИЛА. Да мне, в общем-то, тоже не так легко представить... Хотя, не так уж это и сложно представить. Зачем строить бассейн, как таковой?! Достаточно надеть на голову шлем с нейроэлектроникой, и через мгновение ты плескаешься в виртуальном бассейне; плывешь в виртуальной воде и получаешь настоящее виртуальное удовольствие.

СТИВЕНС. Не думал, что вы любите читать научную фантастику.

ПРИСЦИЛА. Читать действительно не очень люблю, а вот смотреть кино – это с удовольствием. А читать я предпочитаю что-нибудь романтическое, духовное...

СТИВЕНС. Понятно, любовные романы.

ПРИСЦИЛА. Можно и так сказать... Однако, что будем делать с возникшей проблемой?

СТИВЕНС. С какой проблемой?

ПРИСЦИЛА. С проблемой, которая разворачивается в общем зале.

СТИВЕНС. А, это по поводу стриптиза полковника? Так в чем тут проблема? По моему, обычная рядовая ситуация как для пансионата для престарелых. Развлекаются старички и старушки. Мы же им, в сущности, ничего более интересного предложить не можем; вот они и находят себе разнообразные забавы.

ПРИСЦИЛА. Вы вот шутите, док, а я серьезно! Ситуация может выйти из-под контроля.

СТИВЕНС. Боюсь, что ситуация уже вышла из-под контроля. После прибытия сюда миссис Азарт, нам теперь нужно быть постоянно наготове. Отныне скучать нам не придется. Сюрпризы от Вирджинии Додж будут сыпаться, как новогоднее конфетти. Стриптиз в исполнении Энтони Стоуна, это всего лишь невинная шалость, по сравнению с тем, что ждет нас в ближайшем будущем.

ПРИСЦИЛА. И вы так спокойно об этом говорите!

СТИВЕНС. А что тут уже волноваться! Не вижу в этом никакого смысла. Придется привыкать жить в новых реалиях. В конце концов, это не такая уж и трагедия. Может быть даже наоборот. Думаю, нам совсем не мешает немного встряхнуться; струсить, так сказать, музейную пыль.

ПРИСЦИЛА. Ох, не знаю! Если то, что я увидела сегодня, невинная шалость, то, что же будет дальше?! Даже боюсь предположить!

СТИВЕНС. Успокойтесь, Присцила. Что бы там ни произошло, мы с этим справимся. Или вы не уверены в себе, Присцила? Мне всегда казалось, что вы отважная и героическая женщина.

ПРИСЦИЛА. И как мне реагировать на сей, с позволения сказать, комплемент? Отважная, героическая женщина... Звучит, как военный марш... Или как приговор...

СТИВЕНС. Военный марш мне больше нравится. И вообще, Присцила, выше нос! Нас так просто не возьмешь, верно?! Мы еще повоюем!

ПРИСЦИЛА. А что, действительно! Какого черта я здесь распустила слюни! Подумаешь, Вирджиния Додж! Пусть только попробует перейти допустимые нормы!.. Не зря же я практиковалась в военном госпитале!

СТИВЕНС. Да-да, я читал в вашем личном деле. Впечатляет. Потому я и уверен, что вы вполне справитесь с нашей непредсказуемой миссис Азарт. Ну, на кого же мне еще рассчитывать, как не на вас, моя верная Присцила!

ПРИСЦИЛА. Очень лестно, конечно, но, надеюсь, вы не возложите только на меня весь этот груз ответственности; поможете, если что.

СТИВЕНС. Ну конечно! Как вы могли подумать, что я отдам вас одну на растерзание; войдем вместе в клетку с хищником.

ПРИСЦИЛА. Тогда я спокойна. С вами, док, хоть в клетку к хищнику, хоть... в постель... кх,кх...

СТИВЕНС. Благодарю за доверие. Даже не знаю, что более привлекательней... Думаю, время покажет. А пока, сконцентрируемся и будем наблюдать за развитием дальнейших событий. Что-то мне подсказывает, что уже в данную минуту события развиваются с геометрической прогрессией. Чувствуете, запах надвигающихся проблем?!

ПРИСЦИЛА. Конечно. Тем более что я их уже видела.

СТИВЕНС. Вы видели только жалкий пролог... Начало, так сказать... Идите, труба зовет!.. Отныне мы, как военные, действуем в полевых условиях. И если что, немедленно ко мне. Пожар тушить нужно сразу, пока не разгорелся до критических масштабов.

Медсестра уходит.

Стивенс сидит какое-то время в задумчивости.

СТИВЕНС. А не пойти ли в бар и не пропустить ли стаканчик-другой?! В нынешних условиях повышенной опасности, совсем не помешает. Расслаблюсь немножко, приведу мысли в порядок... И вообще, что-то я устал... Даже к компьютеру не тянет, поиграть; а это уже тревожно...

Выходит из кабинета.

Общий зал.

Полковник, сосредоточенно углубившись в чтение газеты, почесывает в затылке; Анастасия и Доротея режутся в карты; Вирджиния сидит за компьютером и довольно сносно бегает пальцами по клавишам; мистер Богаш, развалившись в кресле, штудирует спортивный альманах.

АНАСТАСИЯ. Минуточку, ты что, жульничаешь?! Откуда у тебя этот туз?! Его не должно быть!

ДОРОТЕЯ. Но он есть, и это факт!

АНАСТАСИЯ. Мими, это ты ее научила?

ВИРДЖИНИЯ (не отрываясь от монитора). Если бы я ее учила, то она делала бы это профессионально. А раз ты заметила, значит это не ко мне. И вообще, девочки, не отвлекайтесь по пустякам. Тренируйтесь. Набивайте руку. И по возможности старайтесь больше анализировать, запоминать, как я вам показывала. Шулерством займемся позже, когда освоите азы и начнете более-менее сносно играть. Настоящий картежник должен быть немного шулером, но использовать это умение необходимо только в самом крайнем случае,

когда других вариантов нет. А так же, вы научитесь еще блефовать. Незаменимая вещь в профессиональном покере; да и во многих других карточных играх тоже.

АНАСТАСИЯ. Тебе все ясно?! Забирай своего липового туза обратно. Кстати, потом расскажешь, как ты это сделала.

ДОРОТЕЯ. А что тут рассказывать. В книжке прочитала.

АНАСТАСИЯ. Это в какой же такой книжке описываются подобные фокусы?

ВИРДЖИНИЯ. «Карточные игры и некоторые их секреты». Это я дала Инфанте сию книжонку.

АНАСТАСИЯ. Инфанте?!

ВИРДЖИНИЯ. Ну согласись, какая же она Доротея! Настоящая Инфанта!

АНАСТАСИЯ. Ну, вообще-то... где-то с этим можно согласиться. Но только в том случае, когда она не жульничает.

ВИРДЖИНИЯ. Согласна. Когда она научиться по-настоящему жульничать, то в эти моменты будет Доротеей; а потом опять перевоплощается в Инфанту. Что-то наподобие оборотня; только в хорошем смысле этого слова. Перевоплощение для уважающей себя женщины – дело привычное, так что временами возвращаться в прежний образ, когда нужно кого-нибудь облапошить, вполне допустимая вещь. Но Инфанта, отныне, из этих двух образов – главная составляющая. Я правильно расставила акценты?

АНАСТАСИЯ (обращаясь к Доротее). Ну, что молчишь?! К тебе обращаются.

ДОРОТЕЯ. А что говорить!.. Инфанта так Инфанта. Мне нравится. Сколько можно быть Доротеей! К тому же, помирать Инфантой гораздо приятнее... мне так кажется.

АНАСТАСИЯ. Ты смотри, она помирать собралась! Тут, можно сказать, только жизнь налаживается; грандиозное карточное будущее светит... а она!..

ВИРДЖИНИЯ. Грандиозное будущее – это ты правильно выразилась. Но не только карточное... Еще освоим бильярд, рулетку, научимся играть на бегах; а для разрядки, неплохо, время от времени, баловаться в боулинг.

Я научу вас любить жизнь... Каждое ее мгновение... Даже неудачи могут приносить истинное удовлетворение. Просто нужно уметь в неудачах находить оттенки позитива, то бишь победы; а затем эти оттенки обобщить в одно целое и получить единую большую победу. В принципе, это не так сложно, как кажется на первый взгляд. Сами увидите, когда научитесь негатив трансформировать в позитив.

МИСТЕР БОГАШ. Где же ты раньше была, Мими?! Ты даже представить не можешь, сколько у меня было поражений в жизни! Будь у меня твое умение трансформации плохого в хорошее, я был бы самым счастливым человеком на свете!

ВИРДЖИНИЯ. А разве ты несчастлив?

МИСТЕР БОГАШ. Счастлив. Но был бы еще счастливей. Счастье не имеет ограничений. Даже у абсолютно счастливого человека всегда найдется дополнительная пустая ниша для еще одного кусочка счастья.

ВИРДЖИНИЯ. Да ты у нас настоящий философ! Отныне будешь Сократом.

МИСТЕР БОГАШ. Как скажете, мэм. Все равно без нового имени ты меня не оставишь, Мими. Так лучше уж именоваться Сократом, чем кем-нибудь менее созвучным.

ВИРДЖИНИЯ. Правильно понимаешь, мыслитель.

ПОЛКОВНИК. Вот, Мими, смотри, четвертый заезд. Я предлагаю ставить на «Черную вдову». Явный фаворит.

ВИРДЖИНИЯ. А кто там еще участвует?

ПОЛКОВНИК. «Синий туман», «Морская звезда», «Амазонка», «Гладиатор», «Маленький шалун», «Клеопатра», и, не поверите, «Чертенюк».

ВИРДЖИНИЯ (в очередной раз на секундочку оторвавшись от монитора, глубоко задумалась). «Чертенюк», говоришь... А кто жокей?

ПОЛКОВНИК. Дэн Симонс.

ВИРДЖИНИЯ. Интересно!.. Знаешь что, генерал, ставь на победу «Чертенка».

ПОЛКОВНИК. Уверена?

ВИРДЖИНИЯ. На все сто! Дэн Симонс на кого попало не садится. «Чертенюк» - темная лошадка, которая должна сорвать приличный куш.

Какой там следующий забег?

ПОЛКОВНИК. «Стрела Амура», «Дракон», «Принц», «Изумруд», «Атаман», «Рыжий дьявол», «Красотка» и «Фонтом». Фаворит – «Рыжий дьявол». Ставим на него?

ВИРДЖИНИЯ. Если бы мы хотели просто спустить деньги в унитаз, то тогда, естественно, поставили бы на этого «Рыжего дьявола». Но ведь мы желаем выиграть, не так ли? А значит, ставим на «Красотку». А твой, так называемый, фаворит, генерал, в лучшем случае придет третьим.

Что там у нас дальше?

ПОЛКОВНИК. Дальше у нас такой расклад. «Антрацит», «Бумеранг», «Проказница», «Северная звезда», «Мотылек», «Маркиза», «Гром» и «Падший ангел». Фаворитом является «Антрацит». Но я так понимаю, что это липовый фаворит. Верно?

ВИРДЖИНИЯ. Скажем так: это один из фаворитов. Судя по всему, он придет вторым. А победит, скорее всего, «Падший ангел». Уж я этого стервеца знаю! Последние два забега он был, соответственно, вторым и третьим. А больше двух раз подряд без победы он находится не привык. Это будет его победный забег, а иначе я съем свою фетровую шляпу.

МИСТЕР БОГАШ. Это пари?

ВИРДЖИНИЯ. Дорогой вы мой! Хотите остаться без штанов?

ПОЛКОВНИК. Пари принято! Если «Падший ангел» проигрывает, то есть не приходит первым, ты, Мими, с аппетитом сжуешь свою фетровую шляпу; если же «Падший ангел» побеждает, ты, Сократ, снимаешь вот эти свои последние штаны и торжественно вручаешь их нашей очаровательной Мими.

ВИРДЖИНИЯ. А что, Сократ, это действительно твои последние штаны?

МИСТЕР БОГАШ. Я бы так не сказал. У меня есть еще новая пижама, в которой вполне можно показываться на людях, еще имеются шорты, а на крайний случай найдется шотландская мужская юбка.

ВИРДЖИНИЯ. В таком случае, я спокойна.

ПОЛКОВНИК. Отлично! Стало быть, пари вошло в действие!

ВИРДЖИНИЯ. Мой доблестный генерал, вам не кажется, что вы слишком разошлись? Давай-ка, бери наши наработки на счет победителей забегов и быстренько дуй делать ставки. Деньги я тебе дам. Сколько ставить, ты знаешь.

ПОЛКОВНИК. Да, но тут еще есть несколько забегов, которые мы не обсудили.

ВИРДЖИНИЯ. А в этих забегах определишь победителя самостоятельно. Посмотрим, чему ты научился. Всё, вперед!

ПОЛКОВНИК. Слушаюсь, мэм!

Полковник исчезает.

ВИРДЖИНИЯ. Ну что, Сократ, нашел в альманахе какую-нибудь закономерность спортивных побед?

МИСТЕР БОГАШ. Да пока, что-то, не вижу никакой закономерности. Да и не может тут быть закономерности! Побеждает тот, кому на данный момент больше везет.

ВИРДЖИНИЯ. Ну вот видишь! А говоришь, нет никакой закономерности. Это, как раз, она самая и есть!

МИСТЕР БОГАШ. Кому в тот или иной момент больше везет?

ВИРДЖИНИЯ. Можно и так сказать; но точнее будет: кто в тот или иной момент лучше подготовлен. Как известно, везет сильнейшему, то есть, более подготовленному. Талант, помноженный на труд – есть гений; ну или что-то около того. Я сама терпеть не могу понятия «гениальный». Отдает какой-то тухлятиной, испорченным продуктом.

Сегодня ты становишься чемпионом, а стало быть, сегодня – ты гений. Но это нонсенс! Гением нельзя быть только сегодня... или только вчера... Гений, это величина постоянная, не имеющая ни начала, ни конца; а потому, сия величина нереальная. Это присуще лишь самому Богу, и только Ему. Ну а человек может быть лишь чуточку больше, чем просто талантлив. Однако до гения, то есть до Бога, дотянуть, понятное дело, не может. К сожалению промежуточного слова между талантом и гением еще нет, а потому и приходится пока что оперировать не совсем подходящими терминами; вернее, одним термином... (глубокомысленно задумалась)... Так, а что это я, собственно, тут несу?! Полный бред, верно? Не обращай внимания, Сократ. На меня иногда находит. Я ведь

женщина, а стало быть, имею право нести любую белиберду... По твоим глазам вижу, хочешь о чем-то меня спросить. Так ведь?

МИСТЕР БОГАШ. Да, хочу. Точнее, не так спросить, как протестировать.

ВИРДЖИНИЯ. Протестировать?!

МИСТЕР БОГАШ. В некотором роде. Я тут подумал, а не проверить ли мою наставницу Вирджинию Додж на предмет знания спортивных исторических событий; чтобы еще больше довериться ей и еще больше ее зауважать.

ВИРДЖИНИЯ. Очень интересно! Ну что ж, давай, тестируй. Авось и для себя что-нибудь полезное из этого выудишь.

МИСТЕР БОГАШ (перевернув несколько страниц спортивного альманаха, остановил взгляд на приглянувшейся ему дате). Вот, к примеру: тридцатый год, «Кубок Мельбурна». Кто стал чемпионом?

ВИРДЖИНИЯ. Ничего нет проще. Фар Лэп. Самая выдающаяся скаковая лошадь.

МИСТЕР БОГАШ (удивленно проверяет ответ Мими). Да, действительно... Всё точно. Ладно, идем дальше (перелистывает альманах). Так... а если это... Сорок второй год, «Кубок Колфилда»... Тот же вопрос.

ВИРДЖИНИЯ. «Адвокат». Неплохая лошадка, но не более.

МИСТЕР БОГАШ. Ничего себе!.. Хорошо, сменим вид спорта. Чемпион мира по хоккею с шайбой тысяча девятьсот пятьдесят пятого года...

ВИРДЖИНИЯ. Это вообще элементарно. Сборная Канады.

МИСТЕР БОГАШ (войдя в раж). Чемпион мира по футболу тысяча девятьсот шестьдесят шестого года...

ВИРДЖИНИЯ. Сборная Англии. Лучший бомбардир – Эйсебио, 9 голов.

МИСТЕР БОГАШ. Чемпион олимпийских игр шестьдесят восьмого года по боксу в тяжелом весе...

ВИРДЖИНИЯ. Джорж Форман. Мой самый любимый супертяж.

МИСТЕР БОГАШ. Чемпион открытого первенства США по гольфу сорок восьмого года...

ВИРДЖИНИЯ. Бен Хоган.

МИСТЕР БОГАШ. Самый быстрый легкоатлет летней олимпиады шестьдесят четвертого года...

ВИРДЖИНИЯ. Роберт Хэйес среди мужчин, и Вайома Тайус среди женщин.

АНАСТАСИЯ. Мама мия! Мими, откуда ты все это знаешь?

ВИРДЖИНИЯ. Это длинная история.

ДОРОТЕЯ. Я, признаться, шокирована! Мариуш... то есть, прости, Сократ, в этом спортивном альманахе всё так и есть, как говорит Мими?

МИСТЕР БОГАШ. До единой буквы. Я, было, подумал: уж не робот ли среди нас в образе Вирджинии Додж!

ВИРДЖИНИЯ. Надеюсь, милый мой Сократ, ты не потребуешь от меня раздеться, чтобы проверить, не в самом ли деле перед вами ходячая консервная банка с разноцветными проводами и блоком питания?

МИСТЕР БОГАШ. Нет уж, спасибо! Вдруг ты и в самом деле окажешься консервной банкой с проводами, да еще и с агрессивной защитной реакцией. Размажешь тут всех нас по стенке, заштукатуришь, и скажешь, что так и было.

ВИРДЖИНИЯ. Удачное решение проблемы для рассекреченного робота; размазать по стенке свидетелей, и концы в воду. Если я в следующей жизни буду киборгом, обязательно применю сей метод ликвидации.

МИСТЕР БОГАШ. Стало быть, в этой жизни ты все-таки состоишь из человеческих составляющих?

ВИРДЖИНИЯ. Как видишь. Ты разочарован?

МИСТЕР БОГАШ. Не очень. Видел я этих киборгов в кино. Жуткая вещь!

ДОРОТЕЯ. Нет, Мими, в человеческом облике тебе идет куда лучше.

ВИРДЖИНИЯ. Спасибо, дорогая Инфанта.

АНАСТАСИЯ. Слушай, дорогая Инфанта, откуда у тебя эта бубновая десятка?! Она уже играла! Опять хитришь?!

ДОРОТЕЯ. Ну что ты так заводишься! В конце концов, мы учимся играть в карты. Просто я учусь немножко быстрее, вот и всё. А ты нервничаешь.

АНАСТАСИЯ. Ты учишься не играть, а жульничать! И это, между прочим, получается у тебя из рук вон плохо.

ДОРОТЕЯ. Почему это плохо?! По-моему, очень даже ловко получилось!

АНАСТАСИЯ. Ловко, это когда незаметно. А я тебя поймала буквально за руку. А это значит, что ты просто дилетантка!

ДОРОТЕЯ. Не забывай, что мы пока что только учимся, и значит, вполне допустимы кое-какие погрешности. Очень скоро я буду играть так, что если даже и придется жульничать, то никто этого не заметит. Верно я говорю, Мими? Ты же научишь меня всем этим премудростям?

ВИРДЖИНИЯ. И тебя научу, и твою подругу. Но первым делом я постараюсь обучить вас играть; то бишь выигрывать благодаря интеллекту, а не ловкости рук. Последнее конечно тоже нужно, но, как я уже акцентировала, это в крайнем случае, когда другого выхода нет. Но все это потом, когда появится для этого более-менее свободное время. Сейчас же, просто играйте, как получается. Используйте те советы и те уроки, которыми я вас уже обеспечила. И не ссорьтесь; в карточных играх при любых обстоятельствах нужно сохранять олимпийское спокойствие, всегда иметь холодную голову и не поддаваться на разного рода провокации, что ведет за собой расконцентрированность, в результате чего перспектива проигрыша возрастает до критической отметки. Так что, расслабьтесь и получайте удовольствие... Я имею в виду карты, разумеется.

МИСТЕР БОГАШ. Правильно, что уточнила; а то эти шалуны ненароком подумают о чем-нибудь другом, и ищи их тогда по борделям.

АНАСТАСИЯ. Нет, ты слышала, Дороти?! Намекают, что мы вполне годимся на роль «ночных бабочек».

ДОРОТЕЯ. А что, я бы не прочь вспомнить молодость. Эх, помню, как я зажигала до замужества! Аж в жар бросает! Мужчины стаями крутились вокруг меня. Чего только не предлагали, вместе с рукой и сердцем! Один даже стреляться хотел, когда я ему в очередной раз отказала. Купил пистолет и пошел на набережную. Решил пустить себе пулю под мерный шум накатывающих волн. Тоже мне, романтик недоделанный! По дороге ему подвернулся дешевый кабак. В кармане у нашего «героя» оставалась какая-то мелочь, и он подумал: «Пропущу-ка я стаканчик, для большей уверенности; истрачу всё, что есть; чего оставлять на этом свете сии жалкие остатки!» Пропил, всё, что имел, и уже собрался было уходить (сначала из кабака, а затем и из жизни), но тут какая-то добрая душа, в образе местного забулдыги, предложил ему сыграть в кости, просто так, ради интереса. Но очень скоро интерес плавно перешел в материальные формы, и в итоге наш «герой» проиграл пистолет, а вместе с ним и билет в «лучший мир».

Уйти из жизни каким-нибудь другим способом, для этого нужно было морально перестроиться. Пока перестраивался, желание досрочно покинуть этот мир несколько поубавилось. А вскоре и совсем исчезло. Сердечная рана зарубцевалась, а вместе с этим возобновился и вкус к жизни. Уже будучи замужем, я с ним как-то встретила. Он и поведал мне эту душещипательную историю, добавив, что благодарит Бога, вовремя остановившего его от рокового шага. «И вовремя очутившийся на его пути кабак, и вовремя подвернувшийся в кабаке любитель игры в кости – всё это не случайно», - шептал он мне заплетающимся уже языком. Не могли же мы не отметить эту встречу, в самом деле!

Последнее, что он смог проблеть, перед тем, как свалился под стол, восхищение Господом, его богатой фантазией. «Специально послать одного из своих ангелов, чтобы тот воплотился в заядлого игрока в кости, отобрал у него известным уже способом пистолет, и таким образом не только спас ему жизнь, но и в корне изменил ее.

После того, как большая любовь ко мне у него прошла, - а для этого понадобилось, помимо всего того срока до намеченного дня самоубийства, еще и целая неделя после, - он погоревал еще несколько дней наедине с бутылкой, пока не прилетела добрая фея и не составила ему компанию.

На следующее утро, после того, как оба очнулись и опохмелились, он признался ей в любви и предложил руку и сердце. Фея тут же сбросила крылья, превратилась в обычную

женщину и с радостью согласилась на это естественное предложение... Я повторяю лишь то, что слышала из первых уст.

К сожалению, окончание этой романтической сказки я не знаю; рассказчик, проглотив последнюю дозу спиртного, выпал в осадок, и после этого я его уже больше не видела; но думаю, все закончилось хорошо. Во всяком случае, выглядел наш «герой» вполне счастливым, пока пребывал, разумеется, в человеческом облике, и пока не превратился в пьяную свинью... Вот такая история.

ВИРДЖИНИЯ (все это время, не отрываясь от монитора и бегая по клавиатуре, тем не менее, внимательно слушала Доротеею). Очень захватывающая история. Одного я только не поняла: как звать-то нашего «героя»?

ДОРОТЕЯ (смущенно). Как звать, как звать!.. Откуда я знаю, как его зовут!.. Он был одним из тех многочисленных поклонников, имена которых я даже и не пыталась запомнить. Я его сразу же отшила и забыла о его существовании. Он, как выяснилось, ежедневно присылал мне любовные записки; некоторые даже в стихах; под моей дверью постоянно находился шикарный букет цветов. Но цветы я просто отшвыривала ногой, когда выходила, а записки даже не читала, сразу выбрасывала. Все эти любовные послания были ведь не от него одного! В общем, если и уловил как-то мой слух его имя, в памяти оно не сохранилось.

АНАСТАСИЯ. Минуточку, но ты же пила с ним за встречу! И пила довольно долго, судя по твоему рассказу. Пила, и даже не знала, с кем?!

ДОРОТЕЯ. Почему не знала! Знала, конечно! С бывшим поклонником. А на счет имени... Просто не хотела его обидеть. Представляю, каково оно, когда предмет твоего обожания, пусть даже и в прошлом, не помнит, как тебя зовут. А уж тем более, если и не знал никогда. Вот я и притворилась, что хорошо его помню, обращаясь к нему, как к старому доброму другу, типа: «Малыш», «Проказник», и тому подобное. Все-таки он в меня был по уши влюблен, и негоже порядочной женщине проявлять подобное невежество в отношении такого ранимого для мужского самолюбия факта, как не сохранение в памяти даже имени, со стороны некогда обожаемого им предмета страсти.

АНАСТАСИЯ. Ну, ты и нагородила! Ты хоть сама-то поняла, что сказала?

ДОРОТЕЯ. Честно говоря, не очень.

ВИРДЖИНИЯ (все так же, не отрываясь от монитора). Не принимайся по этому поводу. Это вполне нормально. Мы, женщины, вообще не должны понимать, что говорим. Эту привилегию мы полностью возложили на мужчин. Вот пусть они и разбираются, что мы лепечем. Верно, Сократ?

МИСТЕР БОГАШ. Как-то не задумывался об этом. Но в принципе, рациональное зерно здесь присутствует. Моя первая жена тараторила со скоростью пулемета, выбрасывая в минуту около сотни слов. И вот только сейчас я подумал: а сколько из всей этой сотни слов я действительно слышал?! Думаю, не больше двадцати. Все остальные слова пролетали мимо. А еще я сейчас подумал: а сколько она сама, то есть моя ненаглядная женушка, осмысленно выстреливала словесные патроны?! Понимала ли она смысл всего того, что выпускала из своей амбразуры?! И теперь, вспоминая ее вопросительный взгляд, в редкие моменты затишья, когда ей необходимо было перезарядить обойму, я, кажется, понял, что она хотела сказать этим взглядом. Что-то, вроде: «Ты все понял? Смотри, повторять не буду! Почему?! Да потому, что сама ни черта не поняла!..»

Вот такая она была, моя первая ненаглядная... Зато вторая оказалось полной ее противоположностью; молчаливая и задумчивая. Вытянуть из нее лишнее слово, это надо было постараться. Но, опять же; какой смысл присутствовал в этом ее молчании? И был ли он вообще, этот смысл? Впрочем, последний вопрос глупый. Смысл существует во всем, даже в самом, казалось бы, бессмысленном.

ВИРДЖИНИЯ. Поздравляю тебя, Сократ! Ты поднялся на вершину философского мастерства! Последнее твое изречение, просто шедевр.

МИСТЕР БОГАШ. Благодарю. Однако моя чрезмерная скромность вынуждена оспорить этот тезис.

ВИРДЖИНИЯ. Твоя скромность тоже на высоте.

МИСТЕР БОГАШ. Согласен; она у меня такая. Хотя порой хочется эту скромность засунуть, куда подальше. Иногда она существенно мешает. Время от времени накатывает тщеславная потребность, похвастаться в лучах заслуженного признания, как, например,

сейчас, а тут влезает эта беспардонная дама, то бишь скромность, и всё портит; весь праздник души – коту под хвост.

ВИРДЖИНИЯ. Да, проблема. Остается тебе только посочувствовать... (более сосредоточенно вперилась взглядом в монитор; рука зависла над клавиатурой; и в следующее мгновение палец нажал необходимую клавишу) Ну вот, мы и выиграли в виртуальном казино довольно приличную сумму (откидывается на спинку кресла, облегченно переводя дыхание).

АНАСТАСИЯ (вскакивает, насколько позволяет возраст, и бросается к монитору). А ну-ка, сколько мы выиграли?! Ого!..

ДОРОТЕЯ (следует примеру подруги; и в следующую секунду она уже рядом, и сверлит любопытным взглядом все тот же монитор). Впечатляет! И что дальше?

ВИРДЖИНИЯ. А дальше, мы вводим сюда реквизиты банковского счета... и нажимаем эту кнопку... Всё. Ждем пару минут... И получаем нужный нам результат. Читай, Инфанта.

ДОРОТЕЯ (приблизившись еще ближе к монитору). Ваш выигрыш в сумме такой-то перечислен на банковский счет такой-то. Здорово!

АНАСТАСИЯ. Мими, научишь нас тоже так выигрывать?

ВИРДЖИНИЯ. Посмотрим на ваше поведение.

МИСТЕР БОГАШ. Я бы тоже не отказался от подобных уроков. Не помешает, для разнообразия, попробовать что-то новенькое в этой жизни; помимо всех тех шоковых новшеств, которыми ты нас уже нагрозила, миссис Додж, то бишь Мими.

ВИРДЖИНИЯ. Главные нагрузки еще впереди. А это пока так, разминка.

МИСТЕР БОГАШ. Даже боюсь представить, что нас ждет!

ВИРДЖИНИЯ. Ждет вас, мои дорогие, кардинальное изменение в том последнем отрезке жизненного пути, который всем нам остался. Вместо серого, обыденного, до тошноты скучного существования, яркий непредсказуемый сюжет, вплоть до финальных титров; чтобы на смертном одре было что вспомнить; учитывая, что память в нашем возрасте уже не та и многие достойные воспоминания моменты жизни, особенно раннего периода, дают основательный сбой.

МИСТЕР БОГАШ. Заманчивая перспектива. Мне нравится.

АНАСТАСИЯ. Как это должно быть здорово, лежать на смертном одре и переживать за то, успеет ли в четвертом заезде победить твоя лошадь, до того, как ты испустишь последний дух!

ДОРОТЕЯ. А еще здорово, хвастать на «том свете» перед ангелами, как ты разорила «игорный дом» и пустила по миру азартного толстосума, сколотившего свое огромное состояние благодаря дьявольской удаче. Глядишь, и какие-то дополнительные привилегии подбросят.

МИСТЕР БОГАШ. Наверняка подбросят. Но это, если попадешь к ангелам, на небеса. А если тебе уготован другой путь, в Преисподнюю?

АНАСТАСИЯ. Тогда она будет развлекать чертей пошлыми анекдотами. Авось за это ее определяют в котел с кондиционером; или, на худой конец, добавляют в кипящую смолу немного ароматизаторов.

ДОРОТЕЯ. Также вариант... В общем, в любом случае мы в выигрыше.

ВИРДЖИНИЯ. Мне по душе ваш оптимизм. И по душе наша команда.

Появляется судья.

СУДЬЯ. А вот и я.

ВИРДЖИНИЯ. Ну, как наши дела?

СУДЬЯ. Всё в порядке! Согласие от мэрии получено. Пришлось хорошенько встряхнуть свои старые связи.

МИСТЕР БОГАШ. Похоже, я что-то пропустил. Не объясните, любезный, о чем речь?

СУДЬЯ (заговорщицки покосившись на Вирджинию). Кх...

МИСТЕР БОГАШ. И это всё? Честно признаться, я так и не уловил сути происходящего, не смотря на столь лаконичный ответ.

АНАСТАСИЯ. Да, и я тоже как-то не поняла.

ДОРОТЕЯ. Чувствуется интригующий запах «тайного союза».

ВИРДЖИНИЯ. Успокойтесь, мои дорогие. Никакого «тайного союза». Я просто поручила Сигизмунду одно ответственное дело, с которым, судя по всему, он справился на отлично. А какое именно дело, вы узнаете чуть позже, потерпите. Не люблю раскрывать карты, покуда не уверилась в победе.

АНАСТАСИЯ. Сигизмунд?!

СУДЬЯ (пожимая плечами). Что поделаешь. Мими решила, что это имя лучше всего мне подходит. Попытаюсь привыкнуть.

МИСТЕР БОГАШ. И в самом деле, какой же ты Альберт! Ты вылитый Сигизмунд!..

ВИРДЖИНИЯ. С вашего разрешения, друзья мои, мы с Сигизмундом на минутку оставим вас. Нам нужно перебраться с глазу на глаз несколькими словечками. Пока вы не в курсе некоторых обстоятельств, наш диалог может показаться вам не совсем понятным, а возможно и несколько странным. Не обижайтесь, в свое время вы всё узнаете.

Вирджиния и судья уходят.

ДОРОТЕЯ. И все-таки, пока я не узнаю, что к чему, однозначно буду считать дуэт, только что покинувший нас, «тайным союзом».

АНАСТАСИЯ. Я тебя поддерживаю, дорогая.

Появляется полковник.

МИСТЕР БОГАШ. А вот и наш доблестный генерал! Загадочная улыбка и интригующий блеск в глазах. Предчувствую интересные новости.

ДОРОТЕЯ. Ну, Энтони, не томите нас! Как там сыграли наши ставки на бегах?

ПОЛКОВНИК. Наши лошадки пробежали по-разному; и ставки наши, соответственно, тоже сыграли по-разному. Фавориты Мими победили во всех заездах, а вот мои клячи, все проиграли.

ДОРОТЕЯ. Почему-то я не удивлена.

АНАСТАСИЯ. Какая, все-таки, умничка, эта миссис Додж... в смысле, Мими.

ПОЛКОВНИК. В какой-то момент я даже подумал было о мистике... Ну, действительно, как это у нее получается?! Как она всё угадала?! И почему я ни черта не угадал?!

ДОРОТЕЯ. Потому что вы, мой дорогой генерал, никогда подобными делами не занимались, в отличие от Мими, которая, как мне кажется, на этом не только собаку съела, но и слона. А ваши азартные игры, как я поняла, дальше карт не распространяются; да и то, как мы уже имели удовольствие наблюдать, на довольно таки непрофессиональном, я бы сказала, любительском уровне.

ПОЛКОВНИК. Мой проигрыш Мими, а вы именно на этот факт намекаете, как я догадываюсь, чистая случайность. И вообще, я поддался!

АНАСТАСИЯ. Ну кто же с тобой спорит, Энтони! Разумеется, поддался. Как-никак, а ты джентльмен, хоть и бывший вояка; и как истинный джентльмен, ты посчитал, что выиграть у женщины в карты – признак неучтивости; а это, для настоящего джентльмена, равносильно позору, который будет мучить его по ночам, преследовать в мыслях, и в итоге доведет до сумасшествия... Я не слишком расфантазировалась?

ПОЛКОВНИК. Ты знаешь, Анастасия, мне почти понравилась твоя интерпретация.

АНАСТАСИЯ. Почти?!

ПОЛКОВНИК. Ну, я бы, конечно, кое-что отредактировал, но, на худой конец, и так сойдет... Кстати, я еще довольно неплохо играю в бильярд. Это к тому, что не только карты в моем ассортименте азартных игр. Да что там скромничать! В бильярд я играю почти как профессионал. А если полностью оградиться от скромности, то понятие «почти» можно опустить. Я играю в бильярд, как настоящий профессионал! И даже имея фору в семь шаров, никакая Вирджиния Додж, а уж тем более Мими, не сможет обыграть меня... Если, опять же, я не поддамся.

Появляются Вирджиния и судья.

ВИРДЖИНИЯ. С удовольствием принимаю ваше предложение, милый мой генерал! Я как раз собиралась посетить местный бильярдный клуб. Тут недалеко. Обожаю погонять шары с настоящим профессионалом! Надеюсь, мой дорогой Энтони, сегодняшний вечер у вас свободный. Или вы заняты?

ПОЛКОВНИК (несколько смутившись). Да нет... Для вас, Мими, я всегда свободен!

ВИРДЖИНИЯ. Вот и хорошо! И, кстати, не вздумайте обижать меня поддачками. Я имею в виду, предоставление форы. А еще я терпеть не могу игру в поддавки. Ваш проигрыш в карты, где вы так изящно поддались, что никто этого даже не заметил (иронично усмехается), я вам прощаю. Не много найдется генералов, способных специально проиграть даме в карты, зная, что после этого придется исполнять стриптиз. Я по достоинству оценила это. Вы мужественный человек, Энтони. И наверняка вы стойко и героически выдержите удар кием по хребту.

ПОЛКОВНИК (растеряно). В каком смысле?

ВИРДЖИНИЯ. В самом прямом. Когда, при игре в бильярд, я замечу, что вы мне поддаетесь, моя рука, не осознано, может схватить кий и огреть вас по спине; или запустить в голову бильярдным шаром, что не менее травматично, чем первый вариант.

ПОЛКОВНИК (в той же ироничной форме). Да ради Бога! По сравнению со стриптизом в собственном исполнении, кием по хребту или шаром в лоб – просто комариный укус. Так что, развлекайтесь, дорогая Мими, сколько вашей душе угодно! Принять от вас физические страдания, почту за честь.

ВИРДЖИНИЯ. Славный мой Энтони, вы меня просто так соблазняете! Еще немного, и я готова буду выпрыгнуть из платья!

Появляется Луиза.

ВИРДЖИНИЯ (заметив появление Луизы). А вот и наша прима; наша обворожительная Эсмеральда! Ну, как наши дела?

ЛУИЗА. Отлично!

ВИРДЖИНИЯ. Вот и хорошо. Пойдем, поговорим. Извините нас дамы и господа, но с вашего разрешения я вновь вас покину для временно секретного разговора.

Берет Луизу за руку и вместе с ней выходит из зала.

ПОЛКОВНИК. И опять мы в неведении! Это начинает уже раздражать. Чувствуешь себя полным идиотом! Дорогой мой Альберт, может поведаешь своему старому другу о своих тайных разговорах с Мими?

СУДЬЯ. С удовольствием удовлетворил бы твое любопытство, Энтони, но, увы, обещал Вирджинии, до поры до времени держать язык за зубами.

АНАСТАСИЯ. А давайте выведем у него все под пытками! Привяжем его к креслу и...

ДОРОТЕЯ. И?..

АНАСТАСИЯ (чесет у себя в затылке). Вот же, проблема! Даже не знаю, какой бы пытке его подвергнуть!

ПОЛКОВНИК. Да что там думать! Привязать к креслу и выбить зубы!

ДОРОТЕЯ. Фу, генерал, как грубо!

ПОЛКОВНИК. Зато практично и эффективно. А может, предпочитаете загнать ему иголки под ногти?! Или, к примеру, током его слегка встряхнуть! А можно еще посадить его на муравейник. Лесные дикие муравьи, ох как хорошо развязывают язык!

МИСТЕР БОГАШ. Вы прямо таки эстет, генерал!

СУДЬЯ. Энтони, и не стыдно тебе? Зубы я могу просто снять и отдать, без какого либо рукоприкладства. Но вот встряхнуть током, посадить на муравейник, не говоря уже о иголках под ногтями, это уже, извини, старческий маразм.

ДОРОТЕЯ. Неужели, генерал, в вашей военной практике вы опускались до столь жестокого выуживания информации?!

ПОЛКОВНИК. На войне, моя милая, все средства хороши, если перед тобой враг, и если речь идет не только об окончательной победе, но и о жизни тысяч мирных граждан. Впрочем, признаюсь честно, подобные методы по отношению к пленным мне применить не довелось; хотя, если бы случилась такая ситуация и того требовали интересы моей Родины, я бы ни капли не колебался.

СУДЬЯ. Другище, ты сказал: по отношению к пленным. Значит ли это, что по отношению к другим особям что-то подобное имело место быть?

ПОЛКОВНИК. Не придирайся к словам, Альберт. Разумеется, никаких других особей я так же не мучил. Но если ты будешь в том же духе задавать подобные вопросы, то у тебя есть все шансы стать первой особью, над которой я с огромным удовольствием проделаю вышеозначенные манипуляции.

СУДЬЯ. Я понял, генерал! Не буду искушать судьбу. Как говорится, здоровье дороже. Давай-ка, лучше, партийку в шахматы сыграем, пока Мими нет; пока она не пришла и не потащила тебя в бильярдную.

ПОЛКОВНИК (махнув рукой). Давай! Расставляй.

АНАСТАСИЯ. Ну что, Дороти, продолжим и мы свои занятия? Раздавай.

ДОРОТЕЯ. Это мы мигом.

Судья и полковник начинают партию в шахматы, а Доротея и Анастасия, в свою очередь, возобновляют карточные баталии.

МИСТЕР БОГАШ. Продолжу-ка и я тоже свое прерванное занятие. Должен согласиться, что изучение спортивного альманаха, довольно таки увлекательная штука! Вот, к примеру, тяжелая атлетика. Чтобы женщина подняла такую тяжесть! Просто уму непостижимо!.. А женский бокс, так это вообще выходит за все рамки адекватного восприятия! Девчонки колошматят друг дружку, как грушу!

ПОЛКОВНИК. Ничего вы не понимаете, уважаемый! Женское мордобитие – что может быть прекраснее! Само то, что это противоречит самой природе, уже поднимает рейтинг сего зрелища на должную высоту.

АНАСТАСИЯ. Энтони, вы открываетесь мне с новой стороны! Никогда бы не подумала, что у вас такие взгляды, относительно нас, слабого прекрасного пола.

СУДЬЯ. Не принимайте слова генерала близко к сердцу, очаровательная Анастасия; просто я его шахматного короля загнал немного в угол, и поэтому он, судя по всему, несколько расстроен. Отсюда и весь этот бред из его уст.

ПОЛКОВНИК (задумавшись над своим шахматным положением и отвечая как бы в пространство, в пустоту). Может ты и прав, Ваша честь... А мы произведем рокировку, вот так... и теперь, дружище Альберт, ты со своим слоном можешь идти, куда подальше. Туда же забирай и ладью.

ДОРОТЕЯ. Вот они, мужчины, в истинном своем облики. Стоит их лишь чуть-чуть загнать в угол, как они начинают нести всякую чушь... Чего тормозишь, бери карту...

АНАСТАСИЯ. Да беру я, беру... А еще более удивительно то, что сие исходит от военного. Послушать нашего генерала, так можно представить, как в скором времени на военную службу будут брать исключительно женщин. А мужчины займутся домашним хозяйством. Ты заметила, как у Энтони горели глаза, когда он выплескивал восхищение по поводу дерущихся дам? Наверняка он подумал, что дай ему волю, он бы всех нас поставил под ружье.

ДОРОТЕЯ. Ты совершенно права, моя дорогая! Я тоже заметила в его глазах, что-то похожее. Как ты думаешь, может нам стоит записаться в секцию бокса? А то вдруг нас призовут в армию, а мы даже драться не умеем!

АНАСТАСИЯ. А может пойти на это... как его... на каратэ? Я в кино видела... Аж дух захватывает! И, кстати, очень похоже на балет. Ногами там машут ничуть не хуже, чем наша Луиза в лучшие свои годы. В одном фильме, так там, почти наша ровесница, такое вытворяла!.. Раскидывала мужиков, словно тряпичных кукол!

ДОРОТЕЯ. А что, давай попробуем. И Луизу с собой возьмем. Кое-какие навыки, как у балерины, у нее есть, так что ей будет попроще... Ну а мы уж, как-нибудь, потянемся за

ней. Глядишь, и в скором времени начнем гонять наших мужчин, будто новобранцев в армии.

АНАСТАСИЯ. А затем выдрессируем, и будем показывать на ярмарках. Заработаем кучу денег...

СУДЬЯ. Энтони, старина, тебе не кажется, что пора приструнить наших девчонок? Не хватало еще, чтобы их больная фантазия начала проявлять практические формы!

ПОЛКОВНИК. Ты прав, дружище! Надо бы этих дряхлых клюшек поставить на место. Вот сейчас я разберусь с твоим наглым ферзем, который, хоть и именуется еще королевой, тем не менее, ведет себя, как последняя... и займусь их муштрованием. На счет каратэ не знаю, но строевым шагом они у меня ходить научатся... Вам шах и мат, господин судья...

АНАСТАСИЯ. Дороти, ты, случайно, не знаешь, на каких каблуках удобнее маршировать, на высоких или на низких?

ДОРОТЕЯ. Это, смотря, куда ты маршируешь. Если в ЗАГС, то лучше на низких; легче будет догнать жениха, когда он захочет смыться. А если на кладбище, то, соответственно, предпочтительней высокий каблук; не лишним будет понравиться тому или иному черту, авось выберет для тебя котел покомфортней.

Появляются Вирджиния и Луиза.

ВИРДЖИНИЯ. А вот и мы! Надеюсь, не успели по нам соскучиться? Вот и славно. Впрочем, если успели, еще лучше. Чертовски приятно, когда тебя ждут!.. На ваших лицах читаю неумное любопытство, а в глазах вижу все тот же вопрос: что же, собственно, происходит?! Всё подробно расскажу, но чуточку позже. Хочу вас еще немножко помучить... подержать в неизвестности. Простите мне такую маленькую слабость. Судя по всему, наш славный судья не поддался на провокации, героически выдержал пытки, и не раскрыл детали, известные ему.

СУДЬЯ. Если б вы слышали, Мими, что они только не предлагали со мной сделать! Начиная выбитыми зубами и кончая муравейником; а в этом промежутке предложили электрический стул, иголки под ногти... В общем, настоящие дружеские желания.

ВИРДЖИНИЯ. Еще раз убедилась, какие вы все славные, милые люди... Но отложим дифирамбы на потом. Сейчас мы с генералом отправляемся в бильярдную; а после этого, все собираемся здесь, и я всё разложу вам по полочкам. Энтони, ты готов вновь сразиться со мной?

ПОЛКОВНИК. Что за вопрос! Мне ли, генералу, бояться сражений!.. И учти, Вирджиния Додж, проигрывать больше я не собираюсь. Какова будет ставка?

ВИРДЖИНИЯ. Если я проигрываю, то выполняю любое твоё желание.

ПОЛКОВНИК (хитро прищурившись). Так уж и любое?

ВИРДЖИНИЯ. Любое. Можешь даже не сомневаться. Однако если результат окажется не в твою пользу, тогда...

ПОЛКОВНИК. Знаю, знаю... Опять стриптиз, только в более извращенной форме.

ВИРДЖИНИЯ. Как бы ни так! Стриптиз от генерала, это уже не актуально. Готовься к более серьезному испытанию.

СУДЬЯ (обращаясь к полковнику). Ну, дружище, держись! Боюсь даже предположить, что тебя ждет, в случае проигрыша.

ПОЛКОВНИК. Ерунда! Энтони Стоуну по плечу любое испытание! Говори, Мими, что меня ждет, если вдруг случится невероятное, и я проиграю?

ВИРДЖИНИЯ. Об этом я скажу тебе чуть позже, наедине; а то, боюсь, если сейчас все услышат, начнутся преждевременные дискуссии, грозящие перерасти в глобальные массовые беспорядки.

АНАСТАСИЯ. Боже, я заинтригована, как никогда!

ДОРОТЕЯ. А я просто, прямо сейчас умру от любопытства!

МИСТЕР БОГАШ. Не волнуйтесь, Дороти, мы отпоем вас в лучшем виде!

СУДЬЯ (обращаясь к полковнику). Сочувствую тебе, старина. Судя по загадочному блеску в этих карих, слегка выцветших глазах, тебя ждет куда более серьезное задание, чем какой-то там невинный стриптиз; если, конечно, каким-то чудом ты не выиграешь.

ВИРДЖИНИЯ. Это у кого же выцветшие глаза, у меня, что ли?!

СУДЬЯ. Чуть-чуть выцветшие, но от этого еще более прекрасные!

ВИРДЖИНИЯ. Ладно, лесть защитана, косяк исправлен. Живи, Сигизмунд.

СУДЬЯ. Спасибо.

ВИРДЖИНИЯ (обращаясь ко всем присутствующим). Ну, дорогие мои, оставляю вас на какое-то время в состоянии повышенной степени неудовлетворенного любопытства и исчезаю вместе с генералом на очень ответственное мероприятие, по забиванию бильярдных шаров в лузу. Не скучайте. Мы скоро будем. Ну что, Энтони, пошли?

ПОЛКОВНИК. Пошли! Желание, как победитель, я уже придумал, и очень не терпится привести его в жизнь.

ВИРДЖИНИЯ. Идем, наивный мечтатель!

Вирджиния и полковник уходят.

АНАСТАСИЯ. А как вам кажется, какое желание придумал Энтони?

СУДЬЯ. Совершенно не важно, какое желание придумал Энтони. Главное, какое желание крутится в голове у Мими. И что-то мне подсказывает, желание это повергнет в шок не только генерала, но и всех нас.

ДОРОТЕЯ. Я согласна. Что бы там ни придумал Энтони, выиграть у него все равно не получится. А значит, ему придется исполнять каприз непредсказуемой Вирджинии Додж.

ЛУИЗА. Я просто сгораю от любопытства!..

АНАСТАСИЯ. Не ты одна, моя дорогая, сгораешь от любопытства...

МИСТЕР БОГАШ. Уважаемые дамы, предлагаю вам набраться терпения и спокойно дожидаться, чем всё закончится.

СУДЬЯ. Да, девочки, действительно, это здравая мысль.

АНАСТАСИЯ. Как ни крути, а иногда наши мужчины говорят рациональные вещи. Нам ничего не остается, как просто ждать.

ДОРОТЕЯ. Ты права, моя дорогая. Хотя это так утомляет! Не удивлюсь, если в ближайшее время у меня появится несколько дополнительных морщин.

МИСТЕР БОГАШ. А не кажется ли вам, уважаемые дамы и господа (в данном случае, один господин; господин судья), что мы стоим на пороге глобальных изменений в нашем пансионате?! Чувствуете, запах надвигающихся перемен?... Запах приближающейся революции...

Кабинет главного. Доктор Стивенс сидит на диване и внимательно изучает какие-то бумаги.

В кабинет, без стука, буквально влетает старшая медсестра.

ПРИСЦИЛА. Док, это правда?!

СТИВЕНС. О, Господи, Присцила! Вы меня заикой сделаете! Нельзя же появляться в моем кабинете, словно тайфун. И почему без стука?

ПРИСЦИЛА (смущенно). Простите! (возвращается к двери и несколько раз стучит) Разрешите?!

СТИВЕНС. Да вы уже, вроде как бы, вошли. Присаживайтесь. Судя по вашему возбужденному виду, слухи о грядущих изменениях, как внутри нашего пансионата, так и вокруг него, уже заполнили пространственный континуум вашего сознания. Итак, вы спрашиваете, правда ли это. Да, правда. Вот как раз сейчас я ознакомливаюсь с соответствующими документами и пытаюсь переварить весь этот кошмар.

ПРИСЦИЛА. Однако, вы так спокойны, док!

СТИВЕНС. Ну, видели бы вы меня примерно час назад!.. Ваше нынешнее возбуждение в сравнении с тем моим, просто олимпийское спокойствие. Если заглянете в мусорную корзину, то обнаружите в ней осколки моей любимой китайской вазы, а так же рваные клочки от художественного полотна, некогда висевшего над моим рабочим столом.

ПРИСЦИЛА. Ой, как жалко! Красивая была картина. Я всегда ею любовалась.

СТИВЕНС. Теперь от нее только рамка и осталась.

ПРИСЦИЛА. И ваза была великолепная! Вы же ею так дорожили!

СТИВЕНС. Да, не смог сдержать свое эмоциональное негодование. Переборщил малость. Зато теперь я спокоен, рационален, и почти уже смирился с неизбежным... Вот, в который раз просматриваю документы и пытаюсь мысленно воспроизвести то, что в скором времени, согласно этим бумагам, воплотится в жизнь. Правда, фантазии все равно немного не хватает. К примеру, «Ночной клуб для тех, кому не спится». Никак не могу представить, что в этом клубе может происходить; учитывая, что возрастной ценз на посещение этого клуба строго ограничен: от пятидесяти пяти лет. Вы можете себе представить наших рассыпающихся бабушек и дедушек, отрывающихся в ночном клубе?

ПРИСЦИЛА. Не могу представить. Зато очень хорошо вижу в своих мыслях ботанический сад с голубым зеркальным озером, по которому плавают лебеди, и по которому можно совершать романтические прогулки на вёсельной лодке. Неужели такое скоро у нас будет?! Неужели такое возможно?!

СТИВЕНС. Документы в полном порядке; надлежащим образом оформлены и подписаны. Часть работ уже оплачена. Так что, всё вполне реально.

ПРИСЦИЛА. И что, спортивный комплекс тоже будет?

СТИВЕНС. Да, спортивный комплекс тоже будет. И судя по смете, комплекс должен быть грандиозным. Помимо плавательного бассейна, фитнеса, специализированного тайского массажа, предусмотрено еще тренажерный зал, велотрек, отдельный зал для командных спортивных игр: волейбол, баскетбол, мини-футбол, и ко всему прочему, к самому спортивному комплексу будет приложена грандиозная пристройка, в которой расположится аквапарк.

ПРИСЦИЛА. Какая прелесть! А случайно теннисный корт в этом комплексе не планируется? Я с удовольствием побегала бы с ракеткой!

СТИВЕНС. Вы играете в теннис? Честно сказать, никогда бы не подумал.

ПРИСЦИЛА. К вашему сведению, я когда-то очень недурно играла! Давненько, правда, не брала уже ракетку в руки, но если бы представилась такая возможность, не преминула бы ею воспользоваться.

СТИВЕНС. В таком случае, могу вас обрадовать. Теннисный корт тоже будет. И если уж на то пошло, то воспользуюсь случаем и попрошу вас об одном одолжении.

ПРИСЦИЛА. Да, слушаю вас.

СТИВЕНС. Научите меня играть в теннис? Всегда хотел попробовать, но все как-то не получалось; не предоставлялось такой возможности.

ПРИСЦИЛА. Ой, даже не знаю... Боюсь, наставник по теннису из меня никудышный. Все-таки, это не клизму сделать.

СТИВЕНС. А мне кажется, вы будете отличным наставником! Тем более что учеником я обязуюсь быть самым, что ни на есть, прилежным.

ПРИСЦИЛА. Что ж, можно попробовать. Только для начала, мне самой нужно многое вспомнить; да и физическую форму подтянуть... Как-никак, а годы не делают женщину, ни моложе, ни стройнее. Требуется дополнительное вмешательство характера. Косметические процедуры, физические упражнения... И самое трудное, это, как вы понимаете, диета. Тут без сильного характера никак не справиться.

СТИВЕНС. К сожалению, годы не щадят и мужчин. Последние несколько лет мне стыдно видеть в зеркале свой оголенный торс. Все собираюсь серьезно заняться им, да постоянно что-то мешает. Надеюсь, в тренажерном зале нашего будущего спортивного комплекса наконец-то я займусь своим внешним видом. Ну а теннис с вами, моя дорогая Присцила, будет не только дополнительным, но и чертовски приятным занятием.

ПРИСЦИЛА. Вы меня смущаете, док. Когда женщина слышит подобные речи, она может интерпретировать их в несколько ином контексте... что способно зародить в душе ложные надежды, и тем самым принести боль и разочарование, когда эти надежды естественным образом рухнут.

СТИВЕНС. Если бы я был смелее и решительней, я бы просто признался, что вы, Присцила, мне... в некотором роде... нравитесь... кх, кх...

ПРИСЦИЛА (слегка взволновано). И что же мешает вам быть смелее и решительней?

СТИВЕНС. Сущие пустяки; всего лишь недостаток смелости и решительности.

ПРИСЦИЛА. Кажется, мы зашли в тупик.

СТИВЕНС. Мне тоже так кажется.

ПРИСЦИЛА. Что будем делать?

СТИВЕНС. Надо подумать... Кстати, помимо всего прочего, у нас еще и казино будет.

ПРИСЦИЛА. Да, казино, это уже полный... комплект! Будет где проигрывать наше, и без того не ахти какое жалование.

СТИВЕНС. Вы собираетесь посещать это казино?!

ПРИСЦИЛА. А почему бы и нет! Что еще остается делать одинокой, не лишенной привлекательности женщине! А в казино, как-никак, большинство мужчин. Глядишь, и присмотрю какого-нибудь джентльмена. Сражусь с ним один на один за зеленым сукном, разделаю его под орех, в смысле, обыграю, а затем снисходительно прошу ему все, что он проиграл, после чего, в благодарность, он пригласит меня на романтический ужин, с вытекающими отсюда последствиями и с перспективой на серьезные отношения.

СТИВЕНС. Довольно продуманный план, должен заметить. А если, вдруг, получится совсем наоборот, и проигравшей стороной окажетесь именно вы, Присцила? Что тогда?

ПРИСЦИЛА. Тогда вступает в силу план «Б».

СТИВЕНС. Интересно было бы о нем услышать.

ПРИСЦИЛА. Увы, сейчас это невозможно. Я его еще не придумала. Но к торжественному открытию казино план «В» будет готов.

СТИВЕНС. А еще не помешает подстраховаться планом «С»... и на всякий случай, планом «Д», что б уж наверняка...

ПРИСЦИЛА. Я непременно воспользуюсь вашим советом, док. И если у вас нет больше вопросов ко мне, то я, с вашего разрешения, удалюсь.

СТИВЕНС. Как это нет вопросов! Есть, конечно!.. Что вы делаете сегодня вечером?

ПРИСЦИЛА. В каком смысле?

СТИВЕНС. В смысле, свободны ли вы сегодня вечером?

ПРИСЦИЛА. Сегодня вечером я свободна. А что?

СТИВЕНС. Я нашел выход из тупика, в который мы попали несколько минут назад... Приглашаю вас на свидание. Ресторан, парк, кино? Выбирайте.

ПРИСЦИЛА. А разве на само свидание я уже согласилась?

СТИВЕНС. А разве нет?..

ПРИСЦИЛА. Порядочная женщина не отвечает так сразу на подобное предложение. Надо подумать...

СТИВЕНС. Долго?

ПРИСЦИЛА. Хотя бы минуту... Подумала... Я согласна. Итак, что мы имеем... Ресторан, парк, кино... Ну, кино, думаю, можно вычеркнуть. В нашем возрасте как-то не солидно уже... сидеть в последнем ряду и, извините, предаваться легкому разврату... в смысле, целоваться. Остается, ресторан и парк. Вполне можно совместить. После ресторана пойти в парк, или, сначала нагулять аппетит на свежем воздухе, а уж потом напиться, развеселиться, оторваться, сначала душой, а затем... и телом. После чего, проснуться в какой-нибудь захудалой гостинице, долго рассматривать незнакомое отражение в зеркале, и с ужасом и стыдом вспоминать обрывки вчерашнего вечера.

СТИВЕНС. А что, мне нравится. Очень даже романтический сюжет. Стало быть, сначала парк, потом ресторан... ну а дальше уже по утвержденному плану. Значит, вечером в парке у фонтана?..

ПРИСЦИЛА. Да, в парке у фонтана... Иду собираться. Надо успеть нанести на лицо боевую раскраску и выбрать соответствующую форму одежды.

Присцила уходит.

Общий зал отдыха. Присутствуют: судья, мистер Богаш, Анастасия, Доротея и Луиза.

АНАСТАСИЯ. И все-таки я до сих пор не могу поверить! Энтони и Мими!.. Кто бы мог подумать!.. И главное, так молниеносно!..

МИСТЕР БОГАШ. Ну, милая моя, в нашем возрасте уже все нужно делать молниеносно.

СУДЬЯ. Особенно, в сердечных вопросах. Я, признаться, очень рад за Энтони. Хотя с такой спутницей жизни, как Вирджиния Додж, тут будешь, либо абсолютно счастливым, либо абсолютно несчастным; третьего не дано.

ДОРОТЕЯ. Хватит причитать, Сигизмунд; все у них будет хорошо! Я в этом ни капельки не сомневаюсь.

ЛУИЗА. А молодец Вирджиния! Вот что значит, настоящая женщина! В один момент окрутила генерала!

СУДЬЯ. А я говорил, что Энтони, на этот раз, так просто не отделается. Эта загадочная улыбка Мими... Улыбка охотницы, заманивающей жертву в свои расставленные сети. Впрочем, я согласен с тобой, Дороти, мой старый приятель Энтони Стоун, скорее всего, счастлив от внезапно свалившейся на него участи, чем наоборот.

МИСТЕР БОГАШ. Вопрос только в том, как сильно он хотел выиграть. Ведь условие Мими, в случае своего проигрыша, он знал еще до начала поединка.

СУДЬЯ. Хочу вас уверить, уважаемый, что Энтони сражался, как лев. Сражался серьезно и отчаянно. Ни о каком расслаблении речи быть не может. И уж тем более не может быть речи, о какой бы то ни было сдаче партии; я имею в виду, специально проиграть. Говорить он, конечно, может, что поддался, мол, и тому подобное, чтобы оправдать свою неудачу, да только это все ерунда, ширма. Энтони такой же азартный человек, как и Вирджиния. Разница лишь в том, что он более тщательно это скрывает. Но дело не в этом. Если бы даже он и победил, думаю, его желание ничем не отличалось бы от условия, поставленного перед ним Мими.

АНАСТАСИЯ. Как это, все-таки, романтично, выиграть мужчину в бильярд!

ДОРОТЕЯ. И не просто мужчину, а генерала.

ЛУИЗА. И не просто генерала, а генерала Энтони Стоуна.

МИСТЕР БОГАШ. Да, это вам не женщину выиграть в карты! Тут особый шарм судьбы. Современный дизайн человеческих отношений на последнем отрезке жизненного пути.

АНАСТАСИЯ. Интересно, а свадебное путешествие у них будет?

СУДЬЯ. Если и будет, то не далее ближайшего ипподрома.

ДОРОТЕЯ. Ничего подобного! Наверняка у них уже запланирована поездка в какую-нибудь экзотическую страну!..

Появляются Вирджиния и полковник.

ВИРДЖИНИЯ. А вот и мы! Ну как, все косточки нам уже промыли?

ЛУИЗА. Да нет, только начали.

ПОЛКОВНИК (обращаясь к Вирджинии). Говорил я тебе, дорогая, что не стоит торопиться; что надо дать нашим фанатам и фанаткам время, чтобы посудачить, посплетничать, придумать несколько интересных легенд о нашей любви, из которых мы выберем какую-нибудь одну, самую лучшую, и так далее...

ВИРДЖИНИЯ. Не переживай, любимый, наши косточки будут промываться еще очень и очень долго. Мы просто рисковали бы не дожидаться окончания этой сладостной для наших фанатов и фанаток процедуры.

СУДЬЯ. Это все, конечно, хорошо, но может вы, наконец-то, перейдете к главному?! Ну, не томите нас!..

ПОЛКОВНИК. Дамы и господа!.. Впрочем, что я несу!.. Друзья, приглашаем всех вас завтра на наше венчание!

Все собравшиеся взрываются овациями и бурными аплодисментами.

ВИРДЖИНИЯ. Форма одежды – парадная.

ПОЛКОВНИК (достает из сумки бутылку шампанского). А сейчас начинаем репетицию основной части свадебного мероприятия – уничтожение алкогольных запасов. Подставляем бокалы!

В руках у присутствующих появляются бокалы. Выстрел шампанского...

Брызги, пена... Шум, гам... Поздравления...

Занавес.